Энн Карри

ГЕНРИХ V

Принц-плейбой ставший королем-воином

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторжение Генриха V во Францию в августе 1415 года было огромной авантюрой. Как наследник престола, он потерпел неудачу, оказавшись в политической изоляции на фоне слухов о том, что он планирует свергнуть своего отца. Несмотря на полное изменение характера короля — основание монастырей, преследование еретиков и крайнее применение закона — с тех пор мало что пошло на лад. Он был неуверен в своем королевстве, его репутация была низкой. Накануне своего отъезда во Францию он раскрыл заговор некоторых своих приближенных с целью отстранения его от власти. Азенкур был битвой, которую Генрих не должен был выиграть, но он ее выиграл, и вошел в историю. В течение последующих пяти лет он стал наследником престола Франции. Энн Карри исследует, как настойчивые попытки Генриха избавиться от прошлых неудач и пережитый им кризис, грозивший разрушить все, чего он с таким трудом добивался, определили его царствование, и как поразительный успех при Азенкуре изменил его положение в глазах современников и всех последующих поколений.

- Энн Карри
  - Введение
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - Что еще почитать по теме
  - Список сокращений
  - Генеалогическая таблица
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

Энн Карри

Генрих V

Принц-плейбой ставший королем-воином

Введение

2 декабря 1420 года канцлер Англии Томас Лэнгли, епископ Даремский, обратился к собравшимся лордам и общинам на открытии парламента в Вестминстере. "У нас, жителей Англии, — начал он, — есть особая причина почитать и благодарить Всемогущего Бога". Причиной, о которой никто из присутствующих не нуждался в напоминании, была "высокая милость, победы и достижения", которые Бог даровал английскому королю Генриху V. Лэнгли перечислил эти достижения: "подавление восстания валлийцев в его молодости", а позже, когда он стал королем, "уничтожение ереси и лоллардии в королевстве". Но венцом славы Генриха V, закрепленным Труасским договором за восемь месяцев до этого, 21 мая, было

> восстановление древних прав, относящихся к его короне Англии во Франции, и благословенное заключение мира и единства между ним… и его бывшим противником во Франции… к вящему благоволению Бога и к несомненной выгоде и счастью всего этого королевства Англии[1].

В городе Труа на востоке Франции Карл VI Французский признал Генриха V Английского своим законным наследником. По условиям договора, после смерти Карла, Генрих становился королем Франции — и тем самым воплощал в реальность мечту английских королей с тех пор, как Эдуард III объявил себя королем Франции в 1340 году. В то же время Генрих становился регентом при умственно и физически больном Карле, на дочери которого Екатерине, 2 июня, он женится, через две недели после подписания договора. Предполагалось, что после того как Генрих станет преемником своего тестя, оба престола Англии и Франции будут объединены под властью одного правителя. Договор предписывал немедленное прекращение всякой вражды между двумя королевствами и их народами — удивительный результат, когда последние два столетия Англия и Франция были охвачены войной.

Затем произошло неожиданное. 31 августа 1422 года, всего через 21 месяц после того, как Лэнгли обратился к парламенту с хвалебной речью, Генрих V, в возрасте почти 36 лет, умер от "кровавого потока" в замке Венсен, к востоку от Парижа.

Опередив Карла на 6 недель, он стал первым английским королем, умершим за границей со времен Ричарда I более двух веков назад. Его 9-месячный сын от Екатерины, Генрих VI, был признан королем Франции после смерти Карла, но Генрих VI оказался столь же неэффективным, сколь напористым был его отец: в течение 30 лет англичане были вытеснены с французской земли, за исключением оплота в Кале. Двойная монархия Генриха V потерпела крах.

Несмотря на это, в народной памяти Генрих V и сегодня остается таким же примером успеха, как и во время выступления епископа Лэнгли перед парламентом в 1420 году. Действительно, его часто считают обреченным на величие с того момента, как он взошел на трон 21 марта 1413 года. Его победа при Азенкуре, 25 октября 1415 года, которая до сих пор является одной из самых знаковых английских побед над иностранным врагом, одержанная перед лицом якобы неблагоприятных шансов, рассматривается как следствие его проницательного руководства и личной храбрости. Более того, этот взгляд на Генриха как на успешного короля-воина, вдохновляемого и поддерживаемого Богом и любимого своим народом, был неизменным на протяжении всей последующей истории. Он послужил источником вдохновения для двух прозаических жизнеописаний короля на латыни, в конце 1430-х годов. Первым было анонимное *Vita et Gesta Henrici Quinti* (*Жизнь и деяния Генриха Пятого*), широко известное как *Псевдо-Эльмхем*, поскольку когда-то ошибочно считалось, что это произведение *Томаса Эльмхема*, монаха аббатства Святого Августина в Кентербери, который написал стихотворный рассказ о первых годах правления короля. *Псевдо-Эльмхем*, по-видимому, черпал информацию от сэра (позже лорда) Уолтера Хангерфорда, которому Генрих доверял как советнику и военачальнику, и которого король выбрал одним из исполнителей своего завещания и опекуном своего малолетнего сына. Вторым жизнеописанием 1430-х годов было *Vita Henrici Quinti* (*Жизнь Генриха V*) *Тито Ливио Фруловизи*, написанное в то время, когда итальянец работал на младшего брата Генриха, Хамфри, герцога Глостера. Эту работу автор посвятил Генриху VI в надежде, что тот сможет подражать своему отцу. В 1513–14 годах было написано *First English Life of King Henry the Fifth* (*Первое английское описание жизни короля Генриха Пятого*), основанное на *Vita Тито Ливио* и собранных воспоминаниях 4-го графа Ормонда (1392–1452), который был знаком с Генрихом V, но на этот раз посвященное Генриху VIII как потенциально достойному преемнику своего прославленного тезки.

Тюдоровский хронист-историк *Эдвард Холл* повторил более

ранние положительные образы короля в своем труде *Union of the Two Illustre Families* (*Союз двух выдающихся семейств Ланкастеров и Йорков*, 1542), восхваляя "победоносные деяния Генриха V" в работе, которая в остальном показывала, как "неспокойное время" узурпатора Генриха IV (1399–1413) положило начало столетию потрясений, не разрешившихся до "триумфального правления" Генриха VII. В большом совместном труде, известном как *Holinshed's Chronicles* (*Хроники Холиншеда*, 1577, 1587), который был основным источником для Шекспира, широко использовался текст *Холла*. Поэтому неудивительно, что тот же хвалебный тон нашел отражение в шекспировском *Генрихе V* (1599). Популярность пьесы с середины XVIII века, подогреваемая периодическими войнами с Францией, и ее захватывающие монологи (настолько запоминающиеся, что даже сегодня некоторые хотят верить, что это подлинные слова Генриха) сделали Генриха V одним из самых известных и почитаемых английских королей средневековья, если не самым известным. Даже ученые поддались этому обаянию: великий историк XX века *К. Б. Макфарлейн*, не испытывавший безмерного восхищения монархами, пришел к выводу, что "в целом" Генрих V "был, я думаю, величайшим человеком, когда-либо правившим Англией"[2].

Однако Генрих вовсе не был рожден для того, чтобы стать королем. Его жизнь была чередой превращений. Узурпация английской короны его отцом Генрихом Болингброком, в 1399 году, превратила его из "молодого лорда Генриха", члена младшей линии английской королевской семьи, в принца Уэльского. При изображении его как наследника престола популярным образом снова стал образ созданный Шекспиром. Генрих в *Генрихе IV*, в части 1 и 2 (1597-8) — показан так, как не должен выглядеть принц: непочтительным, ищущим удовольствий, праздным, но, став королем после смерти отца, он сознательно отбрасывает свою прежнюю жизнь и друзей и преображается в идеального короля. Реальный Генрих также может быть показан как коренным образом изменившийся после своего воцарения, по собственному выбору, ставший откровенно религиозным, целомудренным и непреклонным правителем. Он стремился исправить свою плохую личную репутацию и искупить свою вину за неприязненные отношения с отцом. Он также стремился восстановить свое политическое и военное положение в стране и за рубежом.

Кампания 1415 года, закончившаяся битвой при Азенкуре была частью этого процесса сознательного ребрендинга. Она также стала точкой трансформации, которая положила начало

дальнейшим достижениям Генриха как короля-воина. В 1420 году эти успехи привели к его окончательной метаморфозе в эффективного правителя Франции. Однако это последнее достижение принесло с собой новые проблемы королевской власти как в Англии, так и во Франции. Действительно ли было возможно одному человеку править обоими королевствами в эпоху личной монархии?

1.
От молодого лорда Генриха до принца и политического изгоя

Согласно астрологическому трактату, написанному во время его собственного правления, Генрих V — или, как его тогда называли, "молодой лорд Генрих" — появился на свет в 11.22 утра 16 сентября 1386 года, родившись в башне замка Монмут в Уэльской марке[3]. Позднейшие историки, неверно истолковав финансовые отчеты, посчитали, что тогда родился старший брат Генриха, умерший во младенчестве[4]; но нет никаких сомнений в том, что на самом деле Генрих был первым ребенком из шести, родившихся у Генриха Болингброка, графа Дерби (который в тот момент вряд ли представлял себе путь, который приведет его к восхождению на английский трон в качестве Генриха IV, первого ланкастерского короля) и его жены Марии де Богун, которой тогда было 16 или 17 лет.

Место рождения Генриха V принадлежало его деду, Джону Гонту (Гентскому), герцогу Ланкастерскому, третьему выжившему сыну короля Эдуарда III и крупной политической силе во времена правления Ричарда II. Монмут был одним из многих земель и замков, перешедших к Гонту благодаря его браку с Бланкой, наследницей великого графства, а впоследствии герцогства Ланкастер. Как первый внук Гонта, Генрих был наследником этого великого герцогства, крупнейшего и наиболее ценного земельного владения в Англии, не принадлежавшего короне, с основными владениями в Ланкашире и Мидлендсе[5], а также в Восточной Англии, южном Уэльсе и валлийских марках или пограничных землях. Также можно было ожидать наследства от его предков по материнской линии: мать Генриха вместе со своей сестрой Элеонорой была сонаследницей их отца, Хамфри де Богуна, графа Херефорда и Эссекса, и ожидалось, что их наследство будет разделено между их семьями. Это побудило Ричарда II предоставить Болингброку титул герцога Херефорда, еще один титул, который должен был унаследовать его старший сын.

Перед молодым лордом Генрихом лежал путь, который должен был привести его к тому, чтобы стать одним из самых высокопоставленных дворян Англии. Как член младшей линии королевской семьи, он, скорее всего, по достижении

совершеннолетия — 21 года — или при вступлении в брак получил бы титул и земельный надел, даже до вступления в полное наследство герцогств Ланкастер и Херефорд. Как пэр королевства, он должен был заседать в парламентах и участвовать в национальной и местной политике и управлении; он должен был служить в королевских войсках и посольствах и, возможно, следуя по стопам своего отца, участвовать в крестовых походах.

То, что мы можем почерпнуть о детстве Генриха из финансовых документов его отца и деда, свидетельствует о воспитании, соответствующем его будущим перспективам. Самое раннее, что известно, это покупка детской одежды (полу-мантии) для него в возрасте одного года[6]. Как это было принято, первые пять лет своей жизни он провел с матерью, но у него также была кормилица Джоан Уэрин, о которой он вспомнил, когда стал королем, назначив ей щедрую ренту[7]. Как и все аристократические семьи, лорд Генрих, его родственники и слуги часто переезжали между различными домами и поместьями. В раннем детстве мы видим его с бабушкой по материнской линии (Джоан Фицалан, графиней Херефордской) в ее доме в Байтаме, Линкольншир, а также часто посещающим замки своего деда по отцовской линии в Лестере и Кенилворте, который стал одним из его любимых мест: став королем, он часто возвращался туда, даже построил для себя специальное убежище на его территории. Семь книг латинской грамматики, переплетенных вместе, были куплены для него в Лондоне, когда ему было 8 лет, примерно в том возрасте, когда должно было начаться его формальное образование[8]. Книги включали стандартные тексты для изучения латыни, такие как *Дистихи Дионисия Катона*, которые также давали моральные наставления. Более поздние свидетельства показывают, что Генрих хорошо знал латынь и свободно владел французским языком. Действительно, он выглядит относительно начитанным королем, хотя история о том, что он посещал *Queen's College* в Оксфорде в 1398 году, является апокрифической.

Другие покупки 1390-х годов показывают различные аспекты благородного воспитания Генриха по мере того, как он приближался к подростковому возрасту: мечи, седла и доспехи, цепь для его борзых собак, а также назначение группы слуг для его опеки и воспитания, в которую входил Питер де Мельбурн, очень доверенный пожизненный казначей как Джона Гонта, так и его сына[9]. Принадлежность Генриха к младшей линии королевской семьи привела его к раннему приобщению к государственным делам. В августе 1396 года, незадолго до его

десятого дня рождения, покупка седла с позолоченной серебряной фурнитурой "для поездки в Кале" показывает, что он пересек Дуврский пролив, чтобы присутствовать на свадьбе английского короля Ричарда II с Изабеллой, 7-летней дочерью Карла VI Французского, союз, который должен был закрепить 13-летнее перемирие с Францией и облегчить переговоры о полном мире[10]. Во время переговоров упоминалась возможность женитьбы Генриха на младшей сестре Изабеллы Мишель, которой тогда еще не исполнилось и года; другим вариантом была дочь герцога Бретани, которой также не исполнилось и пяти лет. Даже если Генрих не был активным участником подобных обсуждений, можно предположить, что он уже был в курсе вопросов англо-французских отношений, которые должны были стать столь значимыми в его взрослой жизни. Год спустя он познакомился с государственным управлением: для него и его младшего брата Томаса были приготовлены мантии для заседания в парламенте, на котором 29 сентября 1397 года их отец был провозглашен герцогом Херефордским. Слышал ли Генрих, как его отец выступал в парламенте с обвинениями в измене Томаса Моубрея, герцога Норфолка, в ответ на предупреждение Моубрея о том, что король намерен уничтожить Болингброка и его самого, и присутствовал ли он в Ковентри в октябре 1398 года, когда должен был состояться поединок между Болингброком и Моубреем, неизвестно. Но он, несомненно, почувствовал эффект от решения Ричарда II отменить поединок и отправить обоих в изгнание: Моубрея на всю жизнь, а отца Генриха на 10 лет[11].

Не меньшим потрясением для 12-летнего Генриха стала смерть четыре месяца спустя, 3 или 4 февраля 1399 года, его деда Джона Гонта. Ричард II решил, что изгнанному Болингброку не должно быть позволено добиваться наследования герцогства Ланкастер, пока он не отбудет полный срок своей ссылки. Это ставило мальчика в потенциально трудное финансовое положение, поскольку его больше не могли содержать ни отец, ни дед. Однако король не хотел унижать юношу. В течение трех недель после смерти деда Ричард выделил ему 500 фунтов стерлингов в год из королевских доходов, хотя он, похоже, не появлялся при дворе, а оставался на попечении Питера де Мельбурна. В начале мая 1399 года ему были выделены дополнительные средства на доспехи и снаряжение для участия в экспедиции короля в Ирландию, которую Ричард решил возглавить и в которой также служил де Мельбурн[12]. Согласно Жану Кретону, французскому наблюдателю, который позже написал отчет об ирландской экспедиции и о низложении Ричарда в конце года, король посвятил Генриха в рыцари во

время кампании, непосредственно перед ожидаемым столкновением с ирландскими повстанцами.

Эта кампания стала для Генриха первым военным опытом. Даже если мы не знаем, принимал ли он реальное участие в боевых действиях, это было обычным делом для благородных мальчиков, которых брали в походы, когда им исполнялось 12 лет. Но был ли у Ричарда скрытый мотив, когда он взял Генриха в Ирландию — держать его в качестве заложника, чтобы обеспечить хорошее поведение его отца в изгнании? Если это было намерением короля, то план провалился. Болингброк воспользовался походом Ричарда в Ирландию, чтобы вернуться в Англию в конце июня, якобы для получения наследства герцогства Ланкастер, но на самом деле для того, чтобы бросить вызов королю. Ричард был вынужден вернуться в Англию, но прежде чем сделать это, он приказал заключить юного Генриха в тюрьму в замке Трим, в 30 милях к северо-западу от Дублина. К тому времени, когда Ричард вернулся домой через Уэльс, Болингброк установил контроль над большей частью восточной и центральной Англии и сумел к 9 августа, раньше короля, добраться до Честера, бывшего ранее главным центром власти Ричарда. Ричарду ничего не оставалось, как согласиться на переговоры, в результате которых он сдался и попал в плен. Около 20 августа Болингброк привез его из Честера в Лондон. К концу сентября Ричард был вынужден отречься от престола, и Болингброк захватил трон. Он тут же приказал привезти из Ирландии своего старшего сына. Судовладельцу Генри Драйхерсту заплатили чуть больше 13 фунтов стерлингов за то, что он сплавал из Честера в Дублин и обратно, чтобы забрать его[13].

Необычные обстоятельства узурпации трона и изменения, произошедшие в судьбе молодого Генриха в результате этого, привлекли внимание современных наблюдателей и вызвали предположения о разговорах, которые могли состояться между ним и Ричардом в Ирландии, когда стало известно о вторжении Болингброка. Английский хронист Томас Уолсингем (ум. в 1422 г.), продолжая летописную традицию бенедиктинского дома Сент-Олбанс, представил себе, как Ричард спрашивает Генриха: "Почему твой отец так поступил со мной… Я скорблю о твоей участи, поскольку ты, возможно, будешь лишен наследства из-за этого неудачного поведения твоего отца". Ответ Генриха, «хотя он был еще мальчиком, но уже не был ребенком… "Милостивый король и повелитель, я действительно очень огорчен этими слухами, но для вашей светлости, по моему мнению, очевидно, что я невиновен в действиях моего отца"»[14]. Эта про-

ланкастерская история улучшалась в течении времени, подчеркивая как закономерное низложение Ричарда, так и предначертанное величие Генриха V. В обоих латинских житиях Генриха V 1430-х годов Ричард был призван предсказать будущую славу Генриха. Как сказано у *Псевдо-Эльмхема*:

> Мы слышали, что нашей Англии суждено родить некоего принца Генриха, который будет… исключительно величественным в своих деяниях, редкой и огромной военной доблести, с выдающимися титулами славы, и который будет блистать процветанием во всем мире… мы придерживаемся непогрешимого мнения, что именно этот Генрих и есть тот человек[15].

13-летний Генрих не принимал активного участия в низложении Ричарда, но он был его бенефициаром, и его жизнь была безвозвратно изменена этим событием. Он, вероятно, был среди тех, кого отец посвятил в рыцари накануне коронации (12 октября 1399 года)[16]. На самой церемонии он, несомненно, нес меч правосудия, символизируя свое значительное место в новой династии. Два дня спустя, 15 октября, его возведение в принца Уэльского, герцога Корнуолла и графа Честера было одобрено лордами и общинами в парламенте, которые также выразили желание признать его законным наследником престола после смерти его отца. Генрих IV, восседающий на престоле, "возложил корону на голову Генриха… и надел на его палец золотое кольцо, и вложил в его руку золотой посох, а затем поцеловал его". Затем Генриха, принца Уэльского, подвели к месту, "назначенному ему парламентом в силу его княжества"[17].

Поскольку его отцу было необходимо обезопасить свою династию после узурпации, Генрих стал первым старшим сыном английского монарха, который получил официальное возведение в принцы Уэльские в парламенте, и в итоге стал обладателем более широкого спектра титулов, чем любой предыдущий наследник английского престола. 23 октября он стал герцогом Аквитанским, чтобы подтвердить приверженность новой династии английским интересам на юго-западе Франции. 10 ноября он также стал герцогом Ланкастерским, поскольку его отец решил, что как король он не может сам носить этот титул, хотя он продолжал сохранять прямой контроль над доходами обоих герцогств.

Молодой Генрих превратился из безземельного и беззащитного пленника в Ирландии в наследного принца с значительными территориальными владениями. Однако, вместе с атрибутами королевской власти, он приобрел и все

проблемы нового режима. Первый антиланкастерский заговор произошел всего через несколько недель, 6 января 1400 года, и самой громкой его жертвой стал сам принц, у которого вместе с другими членами королевского дома якобы были обнаружены следы попытки отравления. Ответ нового короля был бескомпромиссным: знатные дворяне, участвовавшие в заговоре, были преданы смерти, а Ричард II был убит в надежде пресечь любые дальнейшие заговоры[18].

Однако вскоре король столкнулся с враждебностью своих бывших друзей Генри Перси, графа Нортумберленда, и его сына сэра Генри Перси (известного за свою храбрость как *Hotspur* — Хотспур, Горячая Шпора), которые были ключевыми сторонниками его узурпации в 1399 году. Разочарованные тем, что король не вознаградил их должным образом в первые несколько лет своего правления, они подняли восстание, вызвав Генриха IV на битву при Шрусбери в июле 1403 года. Хотя Хотспур и его дядя Томас Перси были убиты, граф Нортумберленд был впоследствии помилован, но только для того, чтобы поднять восстания на севере в 1405 и 1408 годах. Оба они закончились поражением, но эти действия усилили опасения ланкастерцев. Восстание 1405 года вызвало чрезмерную реакцию короля, приказавшего казнить архиепископа Йоркского Скроупа за его поддержку мятежников. Восстание Оуэна Глендовера в Уэльсе — начавшееся осенью 1400 года как личная ссора с его соседом Реджинальдом Греем, но вскоре переросшее в кампанию за независимость Уэльса — также стало угрозой праву Ланкастеров на престол. В 1403 году возник план раздела королевства между Глендовером, Перси и молодым Эдмундом Мортимером, графом Марчем, потомком второго сына Эдуарда III. Формально, эта линия Мортимеров имела больше прав на трон, чем Генрих IV, который происходил от третьего сына Эдуарда III. Со временем Генрих IV также начал подозревать в нелояльности Эдуарда, герцога Йоркского, наследника четвертого сына Эдуарда III.

Узурпация Генриха IV подорвала, хотя и не нарушила, перемирие с Францией 1396 года. Французы, управляемые все более больным королем, были слишком разобщены между собой, чтобы изгнать англичан из их французских владений. Тем не менее, в Ла-Манше существовала серьезная угроза для английского судоходства в связи с официально попустительствуемым французским пиратством, а также открытой войной в Гаскони, последней области, удерживаемой англичанами на юго-западе Франции. Гораздо более серьезной военной проблемой было восстание в Уэльсе, которое затянулось

на долгие годы. Эта нестабильность, как внутренняя, так и внешняя, принесла с собой финансовые трудности: будучи самозваным, узурпировавшим власть королем, Генрих IV был слаб в плане убеждения парламента в необходимости согласования налогообложения, а также в возможности выбирать, как тратить свои доходы.

Эти неопределенные, полные конфликтов годы были также временем королевского ученичества принца Генриха. Это было время почти постоянной военной мобилизации — что особенно важно, учитывая, что Генрих V практически все свое правление проведет в активных военных действиях; действительно, он не знал другого способа правления. Генрих, принц Уэльский, как наследник престола имел более длительный военный стаж, чем любой монарх со времен Эдуарда I. Его знание английской военной системы, служба в Уэльсе с оружием в руках вместе с некоторыми из тех, кто позже должен был сопровождать его во Францию, и его понимание важности дисциплины, а также тактической ценности лучников — все это проистекало из опыта, полученного им в этот период.

В первые годы правления его отца личность и мировоззрение принца оставались неопределенными, его действия определялись обстоятельствами нового и еще хрупкого режима. Его назначение герцогом Аквитании в 1399 году было сделано с целью отправить принца-подростка во главе армии в эту потенциально проблемную часть английского королевского наследства, но парламент 1399 года призвал его отца пересмотреть свое решение: "принц не должен покидать королевство в столь юном возрасте до тех пор, пока в королевстве не установится более прочный мир"[19]. Генрих IV должным образом последовал совету парламента. Когда в августе следующего года он вторгся в Шотландию с 13-тысячной армией, принц Генрих получил жалование для роты из 17 латников и 99 лучников, но, опять же, вероятно, остался дома, будучи назначенным хранителем королевства в отсутствие своего отца.

Валлийское восстание Оуэна Глендовера вспыхнуло в сентябре 1400 года, когда Генрих IV возвращался из своей короткой и безрезультатной кампании в Шотландии. Король направился к валлийской границе, где примерно в середине месяца к нему присоединился принц Генрих. 16 сентября, возможно, намеренно выбрав день рождения принца Генриха для своего заявления, Глендовер объявил себя принцем Уэльским: следовательно, для подавления восстания необходимо было присутствие настоящего принца. Однако, как и в последующих случаях, Генрих IV ради сохранения династии не взял своего сына

с собой в *шевоше* или набег в Уэльс. Вместо этого принц был отправлен в свое графство Честер с полномочиями помиловать тех валлийских мятежников, которые готовы были предстать перед ним[20]. Здесь он провел длительное время в компании сэра Генри Перси (Хотспура), которому Генрих IV настолько доверял в начале своего правления, что в октябре 1399 года он был назначен юстициарием[21] Честера: король явно считал его подходящим военным наставником для принца. Последний был вместе с Хотспуром при осаде Конвея, в апреле 1401 года, после захвата города валлийскими повстанцами. В следующем месяце принц продолжил свое военное обучение при осаде, с сэром Хью Диспенсером, опытным военным и сторонником Ланкастеров, который был назначен наместником при принце в октябре 1399 года. Прошло шесть недель, прежде чем Конвей сдался принцу, и он впервые столкнулся с трудностями осадной войны.

В 1401 и 1402 годах, когда принцу Генриху еще не исполнилось 15 лет, он снова оказался в Северном Уэльсе. Он постоянно учился, и именно здесь он столкнулся с проблемами ведения партизанской войны в горной местности: на его обоз с багажом напали валлийцы и похитили его имущество. Время от времени отец давал ему советы по ведению войны, в одном из писем призывая принца обеспечить надежную оборону замка Харлех на том основании, что защита крепостей обходится дешевле, чем их восстановление — совет, которому он последует при завоевании Нормандии[22]. В возрасте 16 лет он получил свое первое официальное командование в качестве королевского наместника в Уэльсе с армией в 3.000 человек, предназначенной как для полевых сражений, так и для гарнизонной службы[23]. Генрих попытался разбить самозваного принца Оуэна Глендовера в сражении, но тот ушел в горы, и Генрих довольствовался разграблением земель претендента в Глиндифрдви. В письме отцу об этой неудаче он выразил опасения, что его войска могут дезертировать: поскольку деньги были на исходе, он был вынужден заложить свои скромные драгоценности (*petits joyaulx*), чтобы заплатить им, и приказать своим людям везти с собой овес, поскольку в Уэльсе был дефицит кормов для лошадей[24].

Принцу вскоре предстояло усвоить еще более тяжелый урок, который, несомненно, он запомнил на всю жизнь, когда в 1403 году Перси выступили против короля. Некоторые из тех, кто был в компании принца в Честере и Уэльсе, теперь оказались врагами, вызвав его и его отца на бой, чтобы добиться смены режима, возможно, даже сделать Хотспура королем. Среди них был не только сам Хотспур, но и его дядя Томас Перси, который был

назначен наместником принца после смерти Диспенсера в конце 1401 года, и который, по словам одного летописца, "тайно ускользнул из дома принца с большей частью его сокровищ"[25]. В следующем году даже камергер графства Честер принца перешел на сторону Глендовера.

Битва при Шрусбери 21 июля 1403 года стала тяжелой победой для королевской армии и для принца, которому отец доверил командование авангардом. Эдуард III отдал аналогичный приказ своему старшему сыну, Черному принцу, в битве при Креси в 1346 году, когда последнему было 16 лет. Для обоих принцев это было серьезное военное испытание, но оно также послужило стимулом для верности, уверенности и настойчивости в войсках королевской армии. При Шрусбери обе армии имели большое количество лучников, используя их для создания заградительного огня, чтобы ослабить атаку противника. Хотя более многочисленная королевская армия смогла одержать верх, принц был ранен стрелой в лицо. Он заслужил похвалу за свою личную храбрость, особенно за то, что побуждал своих солдат сражаться дальше и отказался покинуть поле боя. У нас есть интересный отчет о медицинской процедуре, которую он впоследствии прошел в замке Кенилворт под руководством своего хирурга Джона Брэдмора, чтобы удалить из раны наконечник стрелы. Брэдмор придумал специальный инструмент с винтовым устройством, который позволил ему захватить и вытащить наконечник стрелы. Хирург с удовольствием нарисовал эскиз своего инструмента, а также описал метод дезинфекции раны во время и после лечения[26]. Без вмешательства Брэдмора легко могло произойти заражение крови. Вполне вероятно, что после ранения у Генриха остался шрам, хотя это никогда не упоминается в современных описаниях его как принца или короля.

Возможно, из-за травмы принц Генрих провел большую часть времени в 1404 году на английской стороне границы, посылая своих старших капитанов в рейды в Уэльс. Этого было недостаточно, чтобы помешать растущему могуществу Глендовера, достигшего своего апогея в 1405 году при поддержке французских войск, которые прошли с ним до базы принца в Вустере, а также захватили замок Харлех. Там Глендовер провел парламент, на котором — с немалым высокомерием — объявил о своем намерении выступить посредником в заключении мира между Англией и Францией, который включал бы признание независимости Уэльса. Такие оскорбления вызвали у Генриха IV планы большого похода двух 3.000-х армий, одна из которых шла из Херефорда под его собственным командованием, а другая — из

Честера под командованием принца Генриха. Этой инициативе помешала необходимость реагировать на восстание архиепископа Скроупа, хотя принц не играл личной роли в его подавлении.

В январе 1406 года принц был назначен лейтенантом всего Уэльса. Король намеревался сам продолжать участвовать в этом деле, но враждебные действия французов в Ла-Манше заставили его вернуться в Лондон и признать, что "принц со своей свитой и силой соседних графств, на верность которых король возлагает свои надежды, обладает достаточной силой, чтобы покарать и усмирить мятежников Уэльса"[27]. В этот момент под командованием принца находилось 5.000 человек, причем на каждого латника приходилось по три лучника, что контрастировало с соотношением один к одному, которое часто встречалось в конце XIV века в заморских экспедициях. Это соотношение три к одному доминировало в английской военной организации до 1440-х годов, включая все экспедиции и гарнизоны времен правления самого Генриха V. Хотя очень соблазнительно считать, что это было нововведение принца, на самом деле за ним мог стоять его отец.

Несмотря на центральную роль принца в конфликте этих лет, Генрих IV не спешил предоставлять ему независимость до достижения им совершеннолетия в 21 год. Отчасти это объяснялось юным возрастом принца, но также это было следствием самого восстания Глендовера. Восстание в Уэльсе было настолько масштабным, что к 1403 году ни один из доходов от владений принца в Уэльсе или Флинтшире не мог быть собран из-за беспорядков: средства из графства Честер пришлось перенаправить на покрытие расходов на валлийские замки, все еще находившихся под английским контролем. В результате принц столкнулся с большим финансовым дефицитом, что неизбежно сказалось на его способности действовать самостоятельно.

Участие его отца также прослеживается в выборе чиновников; проверенные и надежные люди из герцогства Ланкастер были назначены на ключевые посты во всех землях принца. Король также имел влияние на выдачу аннуитетов. Такую ситуацию следовало ожидать, пока принц был несовершеннолетним, но по мере приближения к совершеннолетию он захотел воспользоваться собственными прерогативами и укрепить свою власть. Он начал делать это с октября 1407 года. В течение следующего года была выдана 51 новая грамота, что заметно отличается от 10 в год в течение предыдущих шести лет.

К этому моменту здоровье Генриха IV заметно ухудшалось уже в течение 18 месяцев. Точная природа его болезни остается

неясной, но она включала дегенеративное заболевание кожи, а также изнурительные приступы, возможно, в форме инсультов или эпилептических припадков. Эти симптомы соответствуют диагнозу третичного сифилиса, что привело к затяжному ухудшению здоровья, продолжавшемуся около восьми лет, но перемежавшемуся более тяжелыми приступами, которые подрывали его способность уделять все внимание управлению государством. По мере того, как здоровье короля ухудшалось, момент наследования принцем короны становился все более значительным: он мог стать королем в любой момент. Как и в аналогичных ситуациях в истории, последствия для отца и сына были заметными.

В 1406 году Генрих IV подвергся серьезной критике со стороны парламента, который, судя по записям, уже связывал надежды на лучшее будущее с принцем Генрихом. В начале апреля того года спикер парламента от имени общин обратился к королю с просьбой направить благодарственное письмо своему сыну за его постоянное стремление отвоевать Уэльс, "а также за наказание и расправу над мятежниками"; в том же обращении он призвал принца "постоянно проживать в Уэльсе на время войн "[28].

Два месяца спустя, когда Генрих IV присутствовал в парламенте, спикер воспользовался возможностью произнести еще одну хвалебную речь о принце. "Бог наделил его добрым сердцем и мужеством, которое может понадобиться любому мирскому принцу", — заявил он, добавив, что Бог наделил его "одной великой добродетелью": он слушал своих советников. Действительно, принц настолько доверял им, что "искренне и милостиво желал, чтобы ему противоречили, и подчинялся желаниям своего совета и их постановлениям, в соответствии с тем, что казалось им лучшим, полностью отбросив свою собственную волю"[29]. Принц не только слушал, но и мог давать советы открыто, не боясь порицания. Более того, у принца не было самолюбия: он был вполне счастлив изменить свое мнение, если, по мнению его советников, оно было ошибочным. Подтекст для слушавшего Генриха IV был очевиден: похвала за готовность принца прислушаться к советам была способом покритиковать его отца за неспособность сделать это. Общины, как было ясно, уже с нетерпением ждали того дня, когда он станет королем.

Сам принц столкнулся с дилеммой. Хотя общины были непреклонны в том, что он должен вернуться в Уэльс "со всей возможной поспешностью", с его точки зрения, было предпочтительнее остаться в Лондоне на случай смерти отца[30]. Даже если династические угрозы утихли, было разумно быть

поблизости, чтобы предотвратить любые помехи его возможному воцарению. Возможно, его также беспокоил акт, принятый парламентом в июне того же года, который предусматривал, что после смерти Генриха IV корона должна перейти к его сыну Генриху, а затем к его наследникам мужского пола, но если у него не будет наследников мужского пола, то наследником должен стать его брат Томас. Возможно, это заставило его не так охотно подвергать себя опасности в Уэльсе, особенно когда его отец был болен. Уже были признаки того, что Томас становился фаворитом своего отца и что отношения между Генрихом и его младшим братом становились напряженными.

Отправился ли в итоге принц Генрих в Уэльс, неясно — его передвижения в это время и в последующие годы трудно проследить. Но в октябре 1406 года, возможно, по его инициативе, законы о престолонаследии были изменены: теперь корона переходила к Генриху, а затем к любым прямым наследникам Генриха, а не только по мужской линии. Теоретически шансы его брата Томаса стать наследником престола значительно сократились, что, вероятно, как раз и имелось в виду Генрихом. И он определенно присутствовал на спорном заседании королевского совета 8 декабря 1406 года, на котором состоялось широкое обсуждение как маршрута короля — который совет взял на себя смелость диктовать, по крайней мере, частично — так и королевского управления[31]. Результатом заседания стало выдвижение в парламенте в том же месяце 31 статьи для реформы правительства, которая включала просьбу о том, чтобы "все вопросы и дела, принятые советом, принимались всеми членами совета лично"[32]. Акцент явно делался на консультации и коллективную ответственность.

Регулярное включение принца Генриха в королевский совет впервые стало признаком не только его растущей политической значимости, особенно в контексте ухудшающегося здоровья его отца, но и усилий по привлечению в правительство людей с более высоким статусом. В 1406 году общины проявили недовольство склонностью Генриха IV использовать незнатных рыцарей и эсквайров и тем, что он так много тратил на покровительство тем, кто входил в его окружение. Своим участием в совете и ответом на просьбы общин о реформе принц также продемонстрировал свою поддержку усилий по сокращению расходов и прекращению коррупции и фаворитизма. Впоследствии, по мере того как продолжалось правление Генриха IV, принц все чаще публично критиковал правление своего отца и все больше стремился сам занять трон.

Однако в следующем году принц ненадолго приехал в Уэльс

для осады Аберистуита, которую он намеревался провести таким образом, чтобы она стала главным символом восстановления власти Англии в Уэльсе, но его действия обернулись катастрофой. Если Генрих IV был суров в своем обращении с валлийцами, то его сын хотел, чтобы его считали милосердным. Поэтому он предложил осажденным компромиссные условия сдачи. Если Глендовер не придет спасать город и не даст сражение, то защитники сдадутся без необходимости выдавать заложников. Принц попросил своего друга, священника Ричарда Куртенэ, принести реликвии для взаимной клятвы. Снисходительность Генриха оказалась совершенно ошибочной. Поскольку королевская армия не полностью блокировала Аберистуит, Глендовер вошел в город и изгнал тех, кто заключил соглашение с Генрихом. Аберистуит был взят англичанами только в сентябре 1408 года, причем другими командирами, а не принцем. Хотя принц продолжал занимать королевскую должность в Уэльсе до 1410 года, он решил не играть непосредственной роли в войне, базируясь в Вустере и Херефорде, когда не был в Лондоне. Предвидя, что в любой день он может стать королем, ему необходимо было находиться поблизости от центра управления.

Сейчас его занимали другие дела. В конце 1407 года французы, охваченные глубокими внутренними противоречиями после убийства Людовика, герцога Орлеанского, по приказу Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского, стремились возобновить переговоры с англичанами, включая перспективу брака для принца. Хотя из этого ничего не вышло, становилось все более очевидным, что, поскольку французский король страдал от психического расстройства, борьба группировок во Франции будет продолжаться. Убийство герцога Людовика, брата короля, дало бургундцам преимущество на этом этапе. Англичане, включая принца, с интересом наблюдали за развитием ситуации.

В 1408 году принц Генрих часто посещал королевский совет и пользовался в нем значительным влиянием. Его нелюбовь к брату Томасу, несомненно, отразилась в решении совета, принятом в августе, о том, что последний больше не должен занимать должности при королевском дворе, а год спустя Томас был заменен на посту лейтенанта в Ирландии на управляющего двором принца, сэром Джоном Стэнли. О растущем влиянии принца Генриха на королевскую политику и его интересе к военному делу свидетельствует также его назначение, 28 февраля 1409 года, констеблем Дувра и начальником Синк-Портса[33]. Примерно в это же время он получил опеку над Эдмундом Мортимером, графом Марчем, и его братом, а также над их

владениями, поскольку оба они были несовершеннолетними. Поскольку Генрих IV все больше беспокоился о том, что жить ему осталось недолго — он составил свое завещание 21 января 1409 года, — и было разумно, чтобы его наследник контролировал возможного соперника, претендующего на престол.

Осенью того года принц Генрих проводил много времени с королем в его поместье Беркхамстед, ожидая, что конец его отца близок. Принц все больше расстраивался: в течение нескольких лет казалось, что король находится на грани смерти, и все зашло в тупик в декабре, когда принц взял дело в свои руки и стал председательствовать в совете в отсутствие короля. Между принцем и старыми советниками его отца возникли серьезные разногласия по поводу того, что должно быть приоритетным. Он заставил некоторых из них уйти в отставку — казначея, сэра Джона Типтофта, и канцлера, архиепископа Арундела, последний был особенно близким соратником короля и выступал против реформ и изменений, которые поддерживал принц, — и ввел в совет своих собственных кандидатов, Генри, лорда Скроупа, в качестве казначея и сэра Томаса Бофорта в качестве канцлера. Он приказал перенести парламент, который должен был заседать в Бристоле, в Вестминстер. В этом парламенте, который начался 27 января 1410 года, одна шестая часть его членов была связана с принцем и его открыл дядя и союзник принца Генри Бофорт, епископ Винчестерский, брат канцлера.

На протяжении всего этого парламента реформаторская программа принца ярко проявлялась. Статьи, представленные общинами 23 апреля 1410 года, включали вопросы, близкие его сердцу, такие как расходы на дворцовое хозяйство короля, исполнение законодательства, закон и порядок. Во время этого парламента также было введено ограничение на власть короля. Хотя точный характер этого ограничения неясен, оно вряд ли украсило вступление молодого Генриха в должность заместителя больного короля, как и, как мы можем предположить, сокращение принцем расходов на дворцовое хозяйство и приостановка некоторых аннуитетов.

В этой реформаторской атмосфере не случайно, что законопроект об отделении церкви от престола был выдвинут в парламенте сторонниками лоллардов — рыцарями и эсквайрами, которые следовали учению Джона Уиклиффа. Делая акцент на фундаментализме, ориентированном на Библию, они оспаривали учение Церкви о таинствах, а также особую власть духовенства и папства. Они считали, что церковь была испорчена своим участием в светских делах и обширными земельными владениями: поэтому в петиции 1410 года они стремились

перераспределить ее владения для финансирования более достойных целей, таких как богадельни, оборона королевства и даже увеличение числа лордов, рыцарей и эсквайров. У Генриха были друзья, симпатизировавшие новым течениям в религии, и они были воодушевлены его господством в правительстве и верой в то, что он достаточно непредвзят, чтобы допустить хотя бы дебаты. Из петиции ничего не вышло, но Генрих не показал себя враждебно настроенным к ее сторонникам. Когда Джон Бадби был осужден епископом Вустерским как еретик за отрицание транссубстанциации (т. е. что хлеб и вино действительно становятся телом и кровью Христа в таинстве причастия) и передан светским властям на сожжение в марте 1410 года, принц присутствовал лично и приложил все усилия, чтобы убедить Бадби покаяться, даже ненадолго приостановил казнь, когда, как он полагал, услышал желание Бадби сделать это.

В течение 1410 года и большей части следующего года господство принца оставалось неоспоримым. Он ввел в совет все больше своих приближенных, включая графов Арундела и Уорвика, а также Генри Чичела, епископа Сент-Дэвидса, а заседания совета проводились в нестандартных местах, таких как дома друзей и собственное жилище принца в Колдхарборе. Отказавшись от обычных протоколов, принц Генрих заметно отдалился от своего отца. Ожидание того, что пройдет совсем немного времени, прежде чем он станет королем, отражено в презентации принцу английским канцелярским служащим и поэтом Томасом Хокливом, где-то между ноябрем 1410 и ноябрем 1411 года, *The Regiment of Princes* (*Полка принцев*), работы в традиции "зерцал для принцев", в которой предлагались способы хорошего правления[34]. У Генриха уже была похожая, но более короткая работа на латыни, *De Officio Militari* (*О военном ведомстве*), написанная для него Ричардом Уллерстоуном из Королевского колледжа Оксфорда по заказу Ричарда Кортенея, во время пребывания последнего на посту канцлера Оксфорда с июня 1406 года по сентябрь 1411 года[35].

Превосходство принца проявилось и во внешней политике. В июле 1410 года совет решил, что принцу следует предоставить финансовый приоритет для обороны Кале, который в то время находился под угрозой нападения со стороны Франции. Доказав важность этого изолированного английского форпоста во Франции на совете в декабре 1409 года, принц 18 марта 1410 года назначил себя капитаном Кале и добился, чтобы 75 % субсидии на шерсть, предоставленной парламентом, было направлено на оплату гарнизона города. Во Франции, однако, обострялись противоречия между Иоанном Бесстрашным,

герцогом Бургундским, который в то время контролировал королевское правительство в связи с недееспособностью французского короля, и его орлеанистскими врагами. Карл, герцог Орлеанский — сын Людовика, убийство которого Иоанн Бесстрашный организовал в 1407 году, — сколотил группу сторонников. Они впоследствии стали известны как *Арманьяки* благодаря браку герцога Карла с дочерью графа Арманьяка, и в их число входили несколько главных пэров Франции. К 1410 году ситуация скатилась к гражданской войне. В августе 1411 года герцог Иоанн Бургундский обратился к англичанам с предложением заключить союз "путем брака между моим господином принцем и старшей дочерью герцога", повторив предложение 1407 года, но на этот раз в обмен на военную поддержку против его врагов[36].

Принц Генрих не замедлил воспользоваться возможностью: в частности, заручиться поддержкой бургундцев для возвращения английских владений во Франции. Центральным принципом английской политики в отношении Франции оставалось настаивание на условиях, которых Эдуард III добился в 1360 году по договору в Бретиньи, известном англичанам как "Великий мир" — и не без оснований. По этому договору английские короли получили значительную часть суверенной территории на юго-западе Франции, но с конца 1360-х годов и далее, когда Эдуард III перестал быть той силой, которой он был, а затем при мальчике-короле Ричарде II, большинство этих территориальных приобретений было утрачено. Теперь, в 1411 году, сделка, которую принц Генрих заключил с герцогом Иоанном, отражала отсутствие у него опыта в иностранных делах: она была расплывчатой и бессрочной, не требовала твердых гарантий бургундской помощи для возвращения земель по договору в Бретиньи. И все же Генрих был привержен договору, предположительно потому, что видел в нем способ отговорить герцога Иоанна от нападения на Кале. В октябре того же года принц послал английские войска под командованием близкого друга принца Томаса Фицалана, графа Арундела, чтобы помочь бургундцам вернуть город Сен-Клу, недалеко от Парижа, что они и сделали 9 ноября. Примечательно, что эти войска финансировались не из королевской казны, а из собственных доходов принца в его графстве Честер, что свидетельствует о том, что больной король не был согласен с планами своего сына[37].

Растущая озабоченность действиями молодого Генриха, а также очевидное улучшение его здоровья привели к тому, что король задумал вернуть себе контроль над управлением страной. Но напряженность нарастала. В сентябре 1411 года принц

попытался защитить Ричарда Куртенэ, канцлера Оксфорда от требований архиепископа Арундела на посещение университета, что угрожало независимости университета и авторитету его канцлера, но потерпел неудачу. В следующем месяце шесть рыцарей двора принца, включая его стюарда, сэра Роджера Лече, были арестованы. При открытия парламента 3 ноября 1411 года принц, по-видимому, обратился к своему отцу, заявив, что ему следует отречься от престола, поскольку он "больше не может действовать на честь и пользу королевства"[38]. Принц и Генри Бофорт предложили лордам, "кто из них спросит короля, готов ли он сложить корону Англии и позволить короноваться своему первенцу"[39]. Но король не собирался отказаться от престола.

Отвергнув эти предложения, Генрих IV предпринял быстрые и решительные действия. 30 ноября принц и собранный им королевский совет были публично отстранены от должностей в парламенте. В ответной речи принц напомнил королю, что "они могли бы лучше выполнять свои обязанности", если бы им дали больше средств и поддержки: принц открыто критиковал короля и его старых советников за их противодействие его реформам и внешней политике[40]. 19 декабря, в последний день работы парламента, король отменил ограничения, наложенные на его королевские прерогативы предыдущим парламентом. На следующий день соратники принца Генри, лорд Скроуп и Томас Бофорт были уволены со своих постов казначея и канцлера соответственно. Сэр Джон Пелхэм, давний член королевского штаба герцогства Ланкастер и военный казначей в 1404-6 годах, был назначен казначеем, а 5 января 1412 года архиепископ Арундел был вновь назначен канцлером. В новый совет не вошел никто из соратников принца.

Принц был отброшен в политическую пустыню. Отношения с отцом ухудшились весной 1412 года, когда король положительно ответил на обращение партии арманьяков во Франции с просьбой о военной поддержке против бургундцев. В последующем договоре, подписанном в Бурже 18 мая, арманьяки признали все английские права на земли по Великому миру и, кроме того, предложили помочь Генриху IV в его "справедливых ссорах" с королем Франции в обмен на военную поддержку — армию в 4.000 человек — и обещание не вступать ни в какие союзы с герцогом Бургундским. Однако на практике король показал себя таким же наивным, каким был принц в 1411 году: арманьяки не контролировали Карла VI и не могли воплотить свои обещания в жизнь. Более того, к тому времени, 10 августа, когда английские войска прибыли во Францию, арманьяки и бургундцы уже вели

переговоры о мире друг с другом, который был окончательно скреплен в Осере 22 августа 1412 года.

Генрих IV надеялся сам повести армию во Францию, но к 8 июня болезнь заставила его передать командование своему второму сыну, Томасу, которого 9 июля он сделал герцогом Кларенсом. Отношения принца Генриха с братом упали до самого низкого уровня. Контролируя совет в июне 1410 года, он уже отказался выплатить Томасу задолженность, причитающуюся ему как лейтенанту Ирландии, пока тот не продемонстрирует, что выполнил условия своего контракта — подразумевалось, что слову брата нельзя доверять. Теперь он был возмущен тем, что его отец отдавал предпочтение Томасу, чье положение также укрепилось после его женитьбы в ноябре 1411 года на Маргарет Холланд, вдове единокровного брата короля Джона Бофорта, графа Сомерсета, и племяннице архиепископа Арундела. Кроме того, принц Генрих был смущен тем, что в конце мая ему пришлось написать герцогу Бургундскому, чтобы объяснить, что у него не было другого выбора, кроме как согласиться с решением отца поддержать арманьяков.

17 июня, через неделю или около того после того, как Генрих IV публично передал командование армией своему второму сыну, принц опубликовал открытое письмо из своего поместья Чейлсмор в Ковентри. По его словам, он был готов отправиться в поход, но его отец предложил ему отправиться с таким маленьким отрядом, "что король сделал невозможным для нас служить ему с честью или эффективно обеспечивать безопасность нашей личности". Король, как утверждал принц Генрих, намеренно подстроил так, чтобы Томас командовал армией. Более того, добавил он, "некоторые сыны беззакония" посеяли слухи о том, что он пытается сорвать экспедицию. Эти люди, утверждал он, хотели "нарушить правильный порядок престолонаследия", подразумевая, что они планировали отстранить его от власти в пользу его брата Томаса[41]. Принц Генрих постарался не называть никаких имен, но, читая между строк, становится ясно, что ходили слухи о том, что он планирует переворот против своего отца.

Примерно в конце июня принц приехал в Лондон "со значительной компанией друзей и большой свитой людей на его службе, какой еще не видели в те дни", напоминание — если, конечно, кому-то сейчас требовалось напоминание — о том, что в его распоряжении было большое количество вооруженных людей. Король медлил с принятием его к себе, но в конце концов сделал это, по словам Томаса Уолсингема, "приняв его с распростертыми объятиями"[42]. В *First English Life of King Henry the Fifth* (*Первом*

английском описание жизни короля Генриха Пятого) приводится красочный рассказ об этой встрече: хотя оно было написано в 1513 году, спустя столетие после события, все же, оно может иметь под собой некоторую основу в реальности, поскольку в распоряжении анонимного автора были воспоминания 4-го графа Ормонда, который знал Генриха V. В рассказе описано как принц пришел к королю в синей мантии, полной отверстий, в каждом из которых висела игла. (Смысл такого одеяния неясен: возможно, дырки и иголки символизировали, что принц не является суверенным властителем). Принц упал на колени и предложил кинжал, которым король мог бы убить его: "Моя жизнь не настолько желанна для меня, чтобы я жил одним днем, чтобы быть тебе не по нраву"[43].

Несмотря на это, король дал уклончивый ответ на просьбу принца о том, чтобы "те, кто доносил на него, были наказаны, если они будут признаны виновными", сказав, что такая процедура должна дождаться следующего заседания парламента, "чтобы люди, подобные этим, могли быть наказаны после осуждения их коллегами"[44]. Король, очевидно, не видел необходимости действовать так же срочно, как принц Генрих: ему потребовалась больше полугода, чтобы издать указ о созыве парламента, который должен был собраться 3 февраля 1413 года.

Тем временем совет воспользовался возможностью расследовать другие обвинения против принца, согласно которым он был замешан в казнокрадстве, присваивая жалование гарнизона Кале. Это расследование заняло три месяца, с июля по сентябрь, и принц был полностью оправдан только 21 октября. В сентябре он снова попытался оказать давление на короля, приехав в Лондон с большой свитой. Возможно, в этот момент на него даже было совершено покушение (так утверждали в 1426 году). Но на фоне слухов о заговорах и контрзаговорах состояние здоровья короля продолжало ухудшаться. Открытие парламента, запланированное на 3 февраля, было отложено. Потому что Генрих IV окончательно слег и 20 марта умер в Иерусалимской палате в покоях аббата в Вестминстерском аббатстве.

В какой степени отец и сын полностью примирились при жизни Генриха IV, оценить трудно: сцена на смертном одре короля встречается в стольких повествованиях, что ее нельзя списать на выдумку, хотя она и была окрашена тем, как Генрих V решил преобразиться после своего воцарения. Оба латинских жития Генриха V описывают умирающего короля, дающего благословение своему сыну, а затем рассказывают о раскаянии принца, сожалеющего о своем плохом поведении в прошлом. В *The First English Life* (*Первом английском житии*) также приводится

продолжительная сцена у смертного одра Генриха IV, в которой король выражает опасение, что после его смерти между принцем и его братом Томасом возникнут разногласия. Принц уверяет его в обратном, и в длинной речи отец дает ему свое благословение[45]. Истории о воссоединении на смертном одре распространились и за границей. Бургундские хроники, написанные в середине XV века, утверждали, что Генриха его умирающий отец увидел примеряющим корону, что привело к раскаянию со стороны принца и прощению со стороны отца[46]. Ближе к событию мы имеем письмо к сыну, предположительно написанное Генрихом IV на смертном одре и пересказанное в работе, приписываемой Томасу Эльмхему[47]. Оно было очень похоже на "зерцала для принцев", призывающее принца почитать Бога и защищать свой народ.

К началу XVI века истории о неприглядной молодости принца были популярны и впоследствии были использованы Шекспиром. На самом же деле нет никаких свидетельств того, что принц вел себя так, как вел себя персонаж пьесы. Истории о его преступных наклонностях и его аресте верховным судьей Уильямом Гаскойном были выдумкой XVI века (хотя он действительно сместил Гаскойна с должности после своего воцарения). Но два латинских жития говорят о принце Генрихе интригующие вещи. *Псевдо-Эльмхем*, например, говорит о принце как о "усердном искателе развлечений, приверженце органных инструментов [намеренный двойной намек], что ослабляло его скромность; хотя он находился на военной службе у Марса, он юношески пылал огнем Венеры, а также был открыт для других новинок, как подобает возрасту его необузданной юности"[48]. Так как эти сведения не согласуются друг с другом, они не соответствуют действительности. Поскольку эти слова неловко вписаны в похвальбы, и обе работы связаны с людьми, хорошо знавшими Генриха, мы должны отнестись к ним с некоторым недоверием.

Есть и другие признаки стремления принца к новизне. Он владел самой ранней из известных рукописей *Troilus and Criseyde* (*Троила и Крессиды*) Чосера, приобретенной где-то между 1406 и 1413 годами[49]. Его стремление к произведениям на английском языке также видно из того, что в октябре 1412 года он поручил Джону Лидгейту написать *Troy Book* (*Книгу Трои*), хотя поэма не была завершена до 1420 года, а также из посвящения ему, когда он был принцем, перевода на английский язык *Livre de chasse* (*Книги об охоте*) Гастона Феба, графа де Фуа, сделанного двоюродным дядей принца Эдуардом, герцогом Йоркским. Последняя работа оставалась для него важной,

поскольку он заказал 12 экземпляров в качестве подарков в ноябре 1421 года[50]. Его юношеская энергия, которая, несомненно, способствовала его чувству разочарования в ожидании смерти больного отца, также отражена в латинских житиях, где о нем говорится, что у него была длинная шея, изящное и сильное, мускулистое тело, хорошо подходящее для охоты на оленей[51]. Хотя у нас есть свидетельства о расходах на *hastilude of peace* (разновидность рыцарского турнира) в его поместье Кеннингтон на Рождество 1409 года,[52] нет никаких свидетельств того, что он когда-либо лично участвовал в соревнованиях. Как и король, его приближенные, похоже, стремились выставлять вместо себя бойцов для этого зрелищного развлечения, что, возможно, отражало его пристрастие к этому виду спорта[53].

Нельзя сомневаться в том, что принцу Генриху не терпелось стать королем. То, как он вел дела, когда контролировал правительство в 1410–11 годах, говорит о том, что он не всегда соответствовал ожидаемым моделям политического поведения — свидетельство тому его созыв королевского совета в частных домах и подозрения в том, что он злоупотреблял средствами на содержание гарнизона в Кале. Отношения с отцом достигли кризисной точки в конце 1411 года, когда он попытался заставить его отречься от престола, и снова летом 1412 года, когда, как считалось, он пытался совершить переворот и когда его отец, возможно, рассматривал возможность отстранения его от наследования, и, возможно, так и не были полностью урегулированы при жизни Генриха IV. Эта ситуация привела к отстранению принца от управления страной в последний год царствования короля. Такие "известные факты" могут быть использованы для того, чтобы предположить, что "неизвестные факты" о буйном поведении и неподходящих друзьях являются правдой.

2.
Новый король, новый человек

9 апреля 1413 года, когда на улице бушевала снежная буря, Генрих V, которому было 26 лет, был коронован королем Англии в Вестминстерском аббатстве. По словам Томаса Уолсингема, люди размышляли о том, что это несезонное "буйство стихий" может свидетельствовать о правлении нового короля. Одни, по словам Уолсингема, считали, что он будет "холоден в своих поступках и суров в своем правлении"; другие — "более мудрые", уточнил Уолсингем, — «истолковали буйство погоды как прекрасное предзнаменование, сказав, что король заставит снега и морозы в королевстве исчезнуть, а суровые плоды добродетели появиться, так что его подданные смогут сказать: "Теперь зима прошла, дождь закончился и ушел"». Далее Уолсингем поясняет свои рассуждения: как только Генрих принял мантию короля, он сразу же превратился в другого человека, "преданного чести, уместности и достоинству поведения… его поведение и осанка казались подходящими для любой ситуации, способствующей проявлению добродетели, и люди считали себя счастливыми, что могут следовать его примеру "[54].

О том, что Генрих сознательно преобразился после своего восшествия на престол, говорится и в других текстах, хотя ни один из них не был составлен так рано, как рассказ Уолсингема, который писал примерно одновременно с событиями. Оба латинских жизнеописания короля подчеркивают эту перемену. По словам *Тито Ливио*, Генрих "глубоко исправил свою жизнь и привычки, так что после смерти отца в нем не было обнаружено ни одного элемента распутства". По мнению *Псевдо-Эльмхема*, перемена была настолько полной, что "левое сменилось правым"[55]. Из того, что мы знаем о поведении Генриха в последние годы правления его отца, а также о его действиях и поведении на ранних этапах правления его самого, следует, что он действительно сознательно изменил себя при вступлении на престол, ведя себя с серьезностью, которая отражала его приверженность своей новой роли короля. Такой сознательный шаг при вступлении на престол, казалось бы, подтверждает его прежнее неуправляемое поведение: то, что он мог допустить в себе как принц, он не мог допустить в себе как король. Иными словами, у Генриха V была сильная личная концепция

королевской власти.

На протяжении всего своего правления он серьезно, даже навязчиво, относился к обязанностям короля — подход, которого, возможно, следовало ожидать от человека, который несколько лет ждал, чтобы стать королем, и который все больше критиковал своего предшественника. А учитывая то, что произошло в последние годы, Генриху было что доказывать. Его реформы были неразрывно связаны с желанием утвердить свое положение короля. Генриху необходимо было укрепить свою репутацию как внутри страны, так и за ее пределами. Смена правителя — это всегда смутное время, а в данном случае сама династия была еще молодой. Его собственный послужной список принца в войне и политике был менее чем впечатляющим. Его сознательная трансформация самого себя была также сформирована чувством вины и раскаяния из-за его отношений с отцом.

Религия сыграла здесь не последнюю роль. Вкратце, Генрих обратился к Богу и Церкви в этот ключевой момент своей жизни. Как помазанный король, избранный и благословленный Богом, Генрих верил, что его действия вдохновляются и направляются божественной волей. Любые успехи принадлежали не ему, а Богу. Как слуга Божий, он испытывал сильное чувство долга защищать и продвигать католическую веру в своем королевстве. В обоих латинских житиях он спешит от смертного одра своего отца к монаху, чтобы исповедать свои грехи и пообещать, что исправится, а выбор кармелитских монахов в качестве духовников свидетельствует о его приверженности строгому и богословски изощренному руководству. Такие духовники постоянно находились под рукой "en nostre houstell" ("в нашем доме")[56]. Первый домашний отчет Генриха V показывает внушительное количество проповедников, приглашенных для ежедневной мессы короля, а также 2 пенса в день для "oratores regis", людей, которые молились от имени короля, чтобы увеличить его собственные подходы к Всевышнему[57].

Вестминстерское аббатство было для него особым местом. Он посетил и исповедался вестминстерскому затворнику Уильяму Алнвику[58] в рамках своей преображающей молитвы, когда стал королем, посетил несколько служб и проповедей в первые месяцы своего правления и, вероятно, уже выбрал место для своего погребения. К тому времени, когда он составил свое первое завещание, 24 июля 1415 года, незадолго до отправления в поход, он разработал полностью продуманную схему. Его тело должно было быть погребено среди гробниц его предшественников, а над ним была построена часовня, в которую должны были быть собраны все основные реликвии аббатства. Чтобы поощрять

набожность других, алтарь этой часовни должен был быть расположен так, чтобы люди могли видеть священников, совершающих мессу[59].

Религиозное преобразование Генриха неизбежно повлекло за собой нравственное преобразование. Латинские жития говорят нам, что, став королем, он отказался от плотских удовольствий. Как сказано у *Псевдо-Эльмхема*: "счастливым чудом… Парис [чье желание вызвало Троянскую войну] был превращен в Ипполита [который был убит за то, что отверг предложение Федры], чувственность — в разум"[60]. Пролог к *The First English Life* (*Первому английскому житию*) утверждает, что со времени смерти отца и до собственной женитьбы в 1420 году он практиковал строжайшее воздержание, что мы могли бы отбросить как легенду, если бы не подтверждение из независимого и современного источника. Когда Жан Фузорис, каноник Нотр-Дам в Париже и — как выяснилось — шпион, работавший на англичан в преддверии вторжения во Францию, был позже судим французами, он рассказал суду, что слышал от Ричарда Куртенэ, одного из самых близких и давних друзей Генриха, что с момента его вступления на престол король не имел плотских отношений с женщиной[61].

Фузорис также описал Генриха как человека, более склонного к церковной жизни, чем к военному делу[62]. На протяжении всего своего правления Генрих проявлял большой интерес к богословским трудам. Например, после смерти архиепископа Арундела в 1414 году король попросил показать ему томик трудов Григория Великого, который архиепископ завещал приору Крайст-Черч в Кентербери, и хранил его несколько лет[63]. Позже, в период правления, он заказал перевод с латыни на французский язык *Meditationes Vitae Christi* (*Размышления о жизни Христа*) *Псевдо-Бонавентуры*, набожной работы францисканского происхождения, которая явно отвечала религиозному вкусу короля[64]. Тщательное распределение книг Генриха в его завещаниях и кодицилах по монастырским фондам и Оксфордскому университету отражает его личное знание их содержания и их уместность для каждого учреждения[65]. Более того, его религиозная набожность могла дойти даже до сочинения ораторий *Gloria* и *Sanctus*, обе для трех голосов[66]. Вряд ли это была та музыка, которая, по мнению латинских жизнеописаний, "ослабляла его скромность" как принца, и, следовательно, представляла собой еще один пример заметной перемены в нем после его воцарения.

Позже, и это запомнилось всем, личное преображение Генриха, когда он стал королем, было подтверждено его отказом

от неподходящих друзей его юности. В версии *Brut Chronicle* (*Хроники Брут*) 1479 года, напечатанной на английском языке Уильямом Кэкстоном, говорится о том, как Генрих созвал своих домочадцев сразу после своего воцарения. Они пришли "подмигивая и улыбаясь… думая, что получат большие должности"[67]. Некоторым он заплатил и приказал больше не появляться в его присутствии, и по крайней мере 14 из бывших приближенных не попали на его службу когда он стал королем. Напротив, те из его окружения, кого сочли подходящими, были назначены на высокие должности. Один из военных соратников Генриха в бытность его принцем, Томас Фицалан, граф Арундел, был назначен казначеем, заменив сэра Джона Пелхэма, а Генри Бофорт стал его канцлером, заменив архиепископа Арундела, одного из главных критиков его поведения когда он был принцем. Другие постоянные члены королевского совета, такие как Томас Лэнгли, епископ Даремский, как и Бофорт, также сотрудничали с Генрихом в период его главенства в совете в 1410–11 годах. Среди них были два человека, которых он теперь всячески продвигал епископы: его друг Ричард Куртенэ, ставший епископом Норвича в июне 1413 года, и Генри Чичеле, ставший архиепископом Кентерберийским после смерти Арундела в феврале 1414 года.

В бытность принцем, отношения Генриха с его братом Томасом, герцогом Кларенсом, не были хорошими. Став королем, Генрих относился к брату с почетом, но отстранение его от ключевой роли капитана Кале в феврале 1414 года в пользу графа Уорвика говорит о том, что он предпочитал доверять другим[68]. Как и граф Арундел, Уорвик пользовался большим доверием Генриха, который отвел ему важную дипломатическую роль в переговорах с Францией и на Констанцском соборе, очень важном международном саммите, который открылся в ноябре 1414 года в попытке разрешить раскол между соперничающими папами, разделявший Европу с 1378 года. Генрих стремился к тому, чтобы на этом церковном соборе было признано независимое английское присутствие, вместо того чтобы быть включенным в более широкую "германскую" нацию, которая поддерживала римского Папу, и тем самым укрепить свои позиции против французов, которые поддерживали авиньонского претендента.

Несмотря на привлечение собственных союзников, Генрих не стал проводить чистку людей своего отца, а предпочел сохранить тех, кому мог доверять. Сэр Томас Эрпингем, назначенный управляющим дворцовым хозяйством 23 марта 1413 года, был давним соратником ланкастерского режима, служил как Джону Гонту, так и Генриху IV, при котором он также был управляющим.

На не менее важную должность камергера Генриха был выбран Генри, лорд Фицхью, который был одним из рыцарей короля Генриха IV — особая честь, оказываемая приближенным к государю людям. В 1413 году Фитцхью было не менее 50 лет, Эрпингему — на несколько лет больше, и оба они были рыцарями Подвязки, что ясно указывало на их значение как военачальников. Выбор Генрихом V двух "отцовских фигур" для надзора за королевским хозяйством снова говорит о его желании создать образ хорошего государя, контрастирующий с его образом принца.

Генрих хотел, чтобы его направляли и поддерживали серьезные и неподкупные советники, люди, отражающие стиль королевской власти, которому он себя посвятил. Ни на этом этапе, ни позже он не имел фаворитов и не продвигал никого, кто не демонстрировал высокие стандарты честности и преданности, которых он ожидал. Он был консервативен в использовании патронажа, полагая, что награду нужно заслужить, и скуп в создании пэрств. Хотя на заседании парламента в мае 1414 года он возвел своих братьев Джона и Хамфри в герцогский статус (Бедфорд и Глостер), а своего двоюродного дядю Ричарда Конисбурга — в графы Кембриджа, эти титулы не были подкреплены земельными владениями и доходами и были дарованы только пожизненно, что опять же является выражением необходимости даже для членов его семьи показать свою ценность для королевства. Но там, где лояльность была доказана, он вознаграждал ее. Будучи принцем, Генрих поддержал своего двоюродного дядю Эдуарда, герцога Йоркского, когда Генрих IV усомнился в верности последнего. Став королем, он позаботился о том, чтобы парламент в мае 1414 года объявил герцога свободным от подозрений, признав его "добрым сеньором своего отца и себя, и желая, чтобы его считали таковым "[69].

Помня о финансовых проблемах, которые преследовали его отца, Генрих поддерживал размер и расходы своего дома на низком уровне. В его правление также не наблюдалось частой смены должностей, как это было при его отце: меньшая текучесть кадров указывала на короля, который был уверен в своих суждениях и ясен в своих намерениях. Сознавая, что его отец подвергался критике за продвижение людей низкого ранга, Генрих стремился к тому, чтобы ядром его совета были знатные дворяне и духовенство. Милитаризм его правления, вызванный войнами с Францией, способствовал привлечению пэров и знатных рыцарей в ближний круг короля.

Генрих был "практичным" монархом, стремящимся внести свой вклад во все сферы деятельности, особенно в обеспечение

справедливости, общественного порядка и финансовой честности, а также в укрепление позиций Англии в Европе, но признаком хорошего короля было прислушиваться к советам как регулярного королевского совета, так и Большого совета и парламента. Через три дня после коронации, в знак своего возвращения из политического забытья, в которое он был низвергнут до своего воцарения, он устроил беспрецедентную личную встречу с дворянами и рыцарями, на которой пообещал править во имя чести Бога и процветания королевства. Присутствующие, в свою очередь, принесли ему клятву верности как королю[70]. Этой церемонией он попытался устранить любые затянувшиеся сомнения в своем наследовании в свете предполагаемой попытки переворота и явного предпочтения отца его брату Томасу. В качестве публичного жеста, демонстрируя свою приверженность ожидаемой королевской политике, при вступлении на престол, король сообщил о своем намерении объявить о всеобщем помилование, отправив гонцов в день своей коронации, чтобы провозгласить его[71]. Эти действия обнародовали его добрые намерения, но политической нации все еще требовалось время, чтобы понять, каким королем он будет.

Через несколько недель после восшествия на престол он публично объявил, что Ричард II будет перезахоронен в Вестминстерском аббатстве, и в начале декабря он выполнил это обещание. Это был продуманный шаг. Привезя останки Ричарда в Вестминстер из его первоначального места захоронения в доминиканском монастыре в Кингс-Лэнгли — и, более того, перезахоронив его в гробнице, которую сам Ричард ранее зарезервировал для себя — король стремился (как оказалось, безуспешно) развеять слухи, циркулировавшие более 10 лет, что Ричард все еще жив и живет в Шотландии; это также дало Генриху возможность публично выразить свое почтение королю, который вел себя благородно по отношению к нему в Ирландии до вторжения его отца. Генрих V даже позаимствовал знамена, которые использовались для похорон его собственного отца в июне в Кентерберийском соборе, что подчеркивало стремление нового короля подвести черту под прошлыми конфликтами и в то же время подчеркнуть легитимность и величие его династических предков и, таким образом, его самого[72].

Похороны его отца были впечатляющим событием: король заказал 90 флагов с гербами всех христианских королей и других выдающихся людей и 50 с изображениями героев в знак того, что Генрих IV занимает достойное место в сонме знаменитых людей. Свечи для бдения и церемонии обошлись королю в 100 фунтов стерлингов, а еще 160 фунтов стерлингов было потрачено на

один предмет — золотую украшенную голову для подношения в святилище Томаса Бекета[73]. О почитании Генрихом своего умершего отца свидетельствует и то, что он бережно хранил его бревиарий и Большую Библию. Хотя впоследствии он одолжил последнюю своему фонду поддержки ордена бригиттинок в Шине, в своей последней воле он четко указал, что она должна быть возвращена после его смерти его королевскому преемнику[74].

В мае 1413 года, с той же смесью личной преданности и династической публичности, он заказал новое надгробное изваяние для гробницы своей матери в Лестере, с "разноцветными гербами короля Англии", хотя она умерла за 5 лет до того, как ее муж занял трон[75]. Он также сделал другие жесты примирения в начале своего правления, освободив из-под домашнего ареста Эдмунда, графа Марча, возможного претендента на трон, учитывая его происхождение от второго сына Эдуарда III. По решению парламента граф получил полный контроль над своими владениями 9 июня 1413 года[76].

В день своего вступления на престол Генрих издал указ о созыве парламента, который должен был собраться 15 мая. Новый стремился оправдать свое стремление к рациональному управлению финансами, которое он продемонстрировал, когда возглавлял правительство в 1410–11 годах. Прекрасно зная о финансовых трудностях, с которыми столкнулся его отец, Генрих V поступил мудро, пообещав на своем первом заседании парламента, что финансирование королевского дома будет иметь приоритет над оплатой других внешних расходов, включая аннуитеты, распределяемые в качестве королевского патронажа. Это было связано с одной из статей, выдвинутых общинами в апреле 1410 года, и тем самым Генрих продемонстрировал преемственность в его политике между периодом правления в качестве принца и его первыми действиями в качестве короля[77]. Показав, что он "готов учесть пожелания общин и дал понять, что серьезно намерен обуздать королевскую расточительность", за это он получил вознаграждение: общины предоставили ему право сбора налогов на экспорт шерсти на 4 года, а также субсидию на содержание мирян, стандартную форму прямого налогообложения в позднесредневековой Англии[78].

О том, что общинам было известно о невыполненных королевских обещаниях прошлого, свидетельствует петиция, с которой они обратились к королю и лордам 22 мая 1413 года. Спикер напомнил, что во времена Генриха IV "общины неоднократно просили о хорошем управлении, и их просьбы были удовлетворены, но наш господин король хорошо осведомлен о том, как это было впоследствии выполнено и осуществлено". Это

был эвфемистический способ сказать, что Генрих IV много обещал, но мало выполнял. Далее спикер выразил надежду, что "поскольку Бог наделил нового короля здравым смыслом и многими другими достоинствами и добродетелями", он будет практиковать и поддерживать хорошее управление[79].

Генрих V критиковал своего отца в 1410–11 годах, и присутствующие должны были это знать. Но теперь, когда он стал королем, его нельзя было рассматривать как простого ответчика на критику общин: он должен был взять на себя ответственность и в то же время показать, что готов слушать. Поэтому он велел общинам изложить свои проблемы в письменном виде, а не сразу согласился с их требованиями на заседании парламента. Список представленных вопросов охватывал практически все: от Ирландии, Уэльса, шотландских марок, Кале, Гаскони, господстве на море и отсутствия флота, до обеспечения сопротивления врагам, эффективного управления и повиновения закону[80].

То, что он считал беззаконие особенно неотложным делом — что вряд ли удивительно для нового и энергичного короля, стремящегося установить Божье царство на земле, — видно из второго парламента его правления, состоявшегося в Лестере в апреле и мае 1414 года. Тон задала вступительная речь Генри Бофорта, в которой он объяснил, как король "всегда полностью посвящал себя тому, чтобы жить и существовать в соответствии с самыми похвальными заповедями и управлением святейшего закона Божьего… считая, что королевство не может находиться в состоянии благополучия, если всемогущий Бог не будет восхваляться и почитаться прежде всего и превыше всего". Мы ясно видим образ, который Генрих стремился создать как образцовый король, руководимый Богом. Канцлер добавил, что король стремился "принять новые законы для удобства и пользы своих подданных… особенно для наказания бунтовщиков, убийц и других злоумышленников, которых сейчас много в разных частях королевства"[81]. Искоренение такого явления продемонстрировало бы власть нового короля.

В статуте о беспорядках, который был принят парламентом в апреле 1414 года, составленном под руководством короля и его советников, хотя формально по просьбе общин, король сослался на статут 1411 года, как напоминание о том, что он всегда был жестким в вопросах закона и порядка (неявно, в отличие от своего отца). Более того, он показал, что является человеком не только слова, но и дела, отправив королевскую коллегию на специальные заседания в графства, граничащие с Уэльсом, где творилось самое страшное беззаконие. Он поступил мудро, не потребовав от общин прямого налогообложения в этом втором парламенте: как

объяснялось во вступительной речи, снятие этого бремени было сделано "в надежде, что он найдет их более готовыми и покладистыми к нему и его нуждам в будущем"[82]. Его мысли уже были обращены к возможному возобновлению войны с Францией.

К моменту проведения Лестерского парламента в апреле 1414 года возникла еще одна проблема, связанная с правопорядком, — восстание осужденного еретика сэра Джона Олдкасла в январе 1414 года. Сэр Джон служил в валлийских войнах и в экспедиции, которую принц Генрих отправил во Францию в 1411 году под командованием графа Арундела. После восшествия Генриха на престол Олдкасл прочно вошел в королевский круг, предоставив группу борцов для развлечения короля в Виндзоре 1 августа 1413 года, даже когда он уже находился под пристальным вниманием церкви за свои лоллардские взгляды[83]. Двумя месяцами ранее, в июне, церковники посетили Генриха в Кеннингтоне (он неоднократно пользовался этим дворцом даже после восшествия на престол) и зачитали обвинения против Олдкасла. Поначалу Генрих не хотел принимать меры против своего соратника, но, помня о своем религиозном долге короля, согласился на разбирательство[84]. В октябре Олдкасл предстал перед судом за ересь, был признан виновным и передан королевским властям. Но даже тогда король колебался и дал ему 40 дней на раздумья, после чего Олдкасл быстро сбежал из Тауэра и задумал восстание.

Мятежники разработали тщательно продуманный план, задумав переодеться в актеров и проникнуть в королевский двор, находившийся тогда в поместье Элтхэм, во время празднования Двенадцатой ночи, и захватить Генриха и его братьев. Этот заговор, а также планы более масштабного сбора сторонников лоллардов на Сент-Джайлз-Филдс 9 января 1414 года, были раскрыты двумя потенциальными заговорщиками, что позволило королю перехватить мятежников, когда они направлялись к месту сбора, хотя сам Олдкасл не был задержан. Это было небольшое восстание, в котором участвовало не более 300 человек, и по этому делу было осуждено всего 69 человек, из которых 38 были преданы смерти[85]. Король продемонстрировал свое стремление к примирению: 28 марта он предложил всеобщее помилование. Оглядываясь назад, можно сказать, что восстание лоллардов не представляло серьезной угрозы для короля, но интересно отметить, что один из участников восстания, сэр Томас Чаворт, был среди тех, чей арест осенью 1411 года, вероятно, был связан с планом принца заставить своего отца отречься от престола[86]. Другими словами, Олдкасл был не единственным

другом Генриха, который симпатизировал лоллардам. Чаворт был помилован королем и служил во время похода во Францию в 1415 году.

После восстания, несмотря на относительную снисходительность к его участникам, Генрих постарался еще больше подчеркнуть свою религиозную ортодоксальность и показать себя твердым сторонником Церкви. В рамках реформы правопорядка на Лестерском парламенте весной того года был принят статут о лоллардах, возлагавший на мировых судей большую ответственность за поддержку церкви в выявлении ереси. Однако по мнению лоллардов Генрих явно перешел на темную сторону. О том, что они считали его лицемерным, свидетельствует придуманное ими прозвище: "принц священников" ("princeps presbiterorum")[87]. Мнение Олдкасла о Генрихе проявилось в заявлении, которое он сделал на суде над ним после его окончательной поимки в ноябре 1417 года, что "у него не было судьи среди них, пока его господин Ричард все еще жил в Шотландии"[88]. Использование Олдкаслом веры в то, что Ричард выжил, указывает на то, что перезахоронение Генрихом тела бывшего короля не убедило всех в том, что династический вопрос закрыт.

Основание Генрихом новых монастырей, возможно, было еще одним способом устранить любые представления о том, что он симпатизировал противникам господствующей церкви. Хронист Томас Уолсингем, поместивший свой рассказ о основании монастырей Генрихом сразу после своего отчета о Лестерском парламенте. (В этом контексте также стоит вспомнить, что лолларды особенно критически относились к монашеству). Один из монастырей, картезианский, основанный 1 апреля 1415 года, был расположен недалеко от королевского поместья Шин, на месте дворца, который Ричард II снес в печали после смерти своей первой супруги. Задуманный как молитвенный дом для династии Ланкастеров, он тем самым стал элементом его посмертного примирения с отцом. Генрих, возможно, также рассматривал основание монастыря как исполнение епитимьи, наложенной на Генриха IV в 1408 году Папой за казнь архиепископа Скроупа после его восстания против короля в 1405 году[89]. Еще один монастырь, на этот раз для монахинь бригиттинского ордена, был первоначально основан в Айлворте 22 февраля 1415 года, а затем перенесен на место на берегу Темзы напротив картезианского монастыря Генриха в Шине и был назван Сион.

Отдав предпочтение бридгиттинкам, основанным в Швеции, Генрих показал себя полностью современным в своей

религиозности: монастыри был основаны как для мужчин, так и для женщин, последние должны были посвятить себя учебе, первые — проповеди. Очевидно это было влиянием камергера Генриха, Генри, лорда Фицхью. Посетив Швецию в сопровождении сестры Генриха Филиппы, когда она пересекла Северное море, чтобы выйти замуж за короля Дании в 1406 году, Фитцхью был достаточно впечатлен, чтобы предложить свои земли в Кембриджшире для монастыря бригиттинок, а Генрих IV также проявил интерес к ордену. Название Сион происходящее, от библейской горы Сион, святого места в Иерусалиме, отражало религиозные устремления Генриха V: как подчеркивалось в хартии основания монастыря, он был выбран Генрихом, "истинным сыном Бога мира, который дал мир и учил миру, и избрал святую Бригитту как любительницу мира и спокойствия"[90]. Действительно, Генрих был настолько привержен миру, что в это время он планировал войну с Францией ради его достижения.

В момент воцарения Генриха английская экспедиционная армия, отправленная Генрихом IV во Францию летом 1412 года для оказания помощи партии арманьяков в борьбе против Иоанна, герцога Бургундского, который в то время контролировал правительство Карла VI, все еще находилась в Бордо, столице английских владений на юго-западе Франции. Хотя запланированное совместное наступление было отменено, когда две стороны гражданской войны во Франции заключили мир в Осере 22 августа 1412 года, англичане все еще надеялись использовать войска для укрепления границ английской Гаскони. Главный командир, брат Генриха Томас, герцог Кларенс, вернулся домой, как только узнал о смерти отца, но Генрих V оставил Томаса Бофорта, графа Дорсетского, в Бордо, приказав провести кампанию в Сентонже (прибрежная область к северу от Гаскони) в продолжение предыдущих действий Томаса в Ангумуа (область вокруг Ангулема). Генрих был полностью осведомлен об обещаниях, данных ему и его отцу обеими сторонами в французской гражданской войне 1411–12 годов, что в обмен на английскую военную поддержку они помогут вернуть земли, отданные Эдуарду III по договору в Бретиньи 1360 года, но он также знал, что арманьяки и бургундцы теперь примирились. Поэтому его главной задачей было возобновить англо-французское перемирие, которое действовало с 1396 года. Поскольку договоры и перемирия заключались между правителями лично, такое продление требовалось при вступлении на престол нового короля. 29 июня 1413 года Генри Чичеле, епископ Сент-Дэвидса, подготовил для короля

меморандум о дипломатической позиции: на основании этого совета Генрих назначил Чичеле и других лиц для ведения переговоров о возобновлении перемирия.

Перемирие было подтверждено 23 сентября и еще раз 24 января 1414 года, но французы предпочли не продлевать его, изначально заняв агрессивную позицию по отношению к Генриху как к новому, и по их мнению, неопытному и неуверенному правителю. Тем не менее, разногласия во Франции возникали вновь. Попытки Иоанна, герцога Бургундского, использовать народную поддержку в Париже не увенчались успехом, и он был вынужден бежать из столицы. В результате королевское правительство оказалось в руках его врагов, партии арманьяков. К февралю 1414 года герцог Иоанн был объявлен изменником, и гражданская война разгорелась с новой силой: королевские войска напали на его земли в Пикардии, на северо-востоке Франции.

Хотя Генрих, казалось, подходил к переговорам непредвзято, становилось все более очевидным, что разногласия во Франции предоставляют новые возможности для укрепления английских интересов. И герцог Бургундский, и французский король предлагали Генриху перспективу женитьбы в обмен на активный английский союз — а Генриху, холостяку, нужно было жениться и заняться производством наследников. Более того, он получил от герцога Йоркского, находившегося в Париже в августе 1413 года, многообещающие отзывы о "красоте, грации и хорошем поведении" Екатерины, 13-летней дочери французского короля Карла VI[91].

28 января 1414 года Генрих уполномочил Генри, лорда Скроупа и других заключить мир с Францией, основанный на браке с Екатериной, с обещанием, что до 1 мая он не будет заключать брак ни с кем другим[92]. Но с началом полномасштабной гражданской войны во Франции летом того же года Генрих увидел возможность еще больше усилить свои претензии, надеясь не только на щедрое приданое для Екатерины, но и на территориальные выгоды, основанные на договоре в Бретиньи, который расширял английские земли на юго-западе Франции. В мае бургундские посланники прибыли в Англию, пока заседал парламент, и начали переговоры об англо-бургундском союзе против Франции. Будучи принцем, Генрих надеялся, что герцог Иоанн сможет помочь английским интересам во Франции, но теперь, когда герцог потерял контроль над французским правительством, англичане пришли к выводу, что он "обещает больше, чем может выполнить, или… больше, чем намеревается"[93].

Отчет, составленный Тьерри Жерботе, одним из посланников, которому в июне 1414 года было поручено договориться о бургундском браке для Генриха, решительно выступал против любой сделки с Англией. Его аргумент заключался в том, что Генрих не был законным королем Англии, поскольку его отец был узурпатором, и на трон был более достойный претендент, происходящий от второго сына Эдуарда III, который, "скоро явится и покажет себя"[94]. Посланник, безусловно, был увлечен раскапыванием предполагаемого компромата на Генриха, утверждая даже, что его мать была монахиней, которую Генрих Болингброк похитил, чтобы воспользоваться ее правом на наследование крупных земельных владений. Смесь вымысла и истины в этой истории очевидна: хотя обвинение в сексуальной непристойности было явно ложным, то, что мать Генриха была сонаследницей чрезвычайно ценных земельных владений вместе со своей сестрой, герцогиней Глостерской (вдовой Томаса Вудстокского, пятого сына Эдуарда III), было правдой.

В начале осени 1414 года, когда основное внимание Генрих по-прежнему уделял переговорам с французским королевским правительством, он отправил в Париж большое посольство, чтобы обсудить два предложения о мире: "путь брака и родства" и "путь отправления правосудия и восстановления наших прав и наследства"[95]. Генрих был готов отказаться от своих притязаний на трон Франции в обмен на полное выполнение договора в Бретиньи, которое давало ему всю Аквитанию, Пуату и Понтье, суммы, оставшиеся не выплаченными в качестве выкупа за французского короля Иоанна II, захваченного в битве при Пуатье в 1356 году, и приданое в 2.000.000 экю (около 330.000 фунтов стерлингов). Он добавил, для пущей убедительности, свое право на прямое владение Нормандией, Мэном и Анжу, владение Бретанью и Фландрией, а также даже две области (Бофор и Ножан), на которые он претендовал в силу своего ланкастерского наследования. Возможно, Генрих пытался использовать французские страхи перед англо-бургундским союзом, чтобы добиться максимальных уступок. Но, возможно, его цели были иными: выдвинуть настолько высокие требования, чтобы французы отвергли их, тем самым дав оправданную возможность Генриху начать войну. В этот момент он мог рассматривать военный союз с Бургундией как реальный вариант.

Неудивительно, что французы отвергли его предложения, хотя и предложили значительное приданое за Екатериной в 600.000 экю. Но своими широкими требованиями Генрих загнал себя в угол и рисковал потерять лицо, если не отреагирует на отказ французов от его требований. В то же время он осознавал

возможное преимущество нападения первым, пока французы были разобщены. Поэтому, как только стало известно о неудаче великого посольства, он созвал парламент на заседание 19 ноября 1414 года. Во вступительной речи канцлер Генри Бофортт объявил о намерении короля начать войну с Францией, утверждая, что сейчас "подходящее время" для этого — намек на внутренние разногласия во Франции[96]. К тому времени, когда общинам пришло время обсуждать налог для поддержки планируемой Генрихом войны, было достаточно пыла, чтобы убедить их проголосовать за двойную субсидию для мирян, которая должна была быть собрана в феврале 1415 и феврале 1416 года, щедрость была поддержана созывом духовенства церковной провинции Кентербери, которое также согласилось на взимание двойного налога с духовенства.

Совет дворян и джентри (мелких землевладельцев), состоявшийся во время или вскоре после сессии парламента, выразил готовность к военной службе. Однако в их взглядах все еще присутствовала некоторая осторожность. Они настояли на отправке еще одного посольства во Францию, что и было осуществлено в новом году. Посланники были уполномочены выдвинуть значительно меньшие требования — вернуть только земли по договору в Бретиньи и приданое в 1.000.000 экю. Но посольство было отвлечено событиями во Франции. 23 февраля 1415 года бургундцы и правительство, контролируемое арманьяками, договорились уладить свои разногласия. Французы намеренно оскорбили английских посланников, заставив их представить свои требования в тот самый день, 13 марта, когда противоборствующие партии принесли публичные клятвы о мире и примирении, а Карл VI приказал взимать налоги для защиты королевства от вторжения. Когда угроза англо-бургундского военного союза отступила, французы отклонили все английские требования, считая себя достаточно сильными, чтобы противостоять Генриху как в дипломатии, так и в войне.

Инцидент, ставший легендарным благодаря великолепному изображению в шекспировском *Генрихе V*, — это отправка дофином в подарок Генриху теннисных мячей. То, что это произошло, почти наверняка правда, и показывает, что французы считали Генриха неуверенным и неопытным полководцем. Проблема заключается в датировке этого эпизода. Согласно Томасу Элмхэму, когда Генрих находился в Кенилворте во время Великого поста, "дофин Карл [на самом деле, Людовик], сын французского короля, написал ему очень насмешливые слова и прислал парижские мячи, которыми он мог играть со своими молодыми людьми, как это было принято". Король ответил, что

"очень скоро пришлет лондонские шары, которые разрушат их дома", пообещав своей рукой выиграть игру и выгнать французов из королевства[97]. Поскольку Элмхэм поместил этот рассказ сразу после упоминания о смерти архиепископа Арундела (19 февраля 1414 года), год должен быть 1414, когда Великий пост начинался 21 февраля. Правительственные записи подтверждают, что король находился в Кенилворте с конца февраля до середины марта 1414 года[98].

Джон Стрич, каноник Кенилвортского монастыря, приводит несколько иную версию. По его версии, французы сказали английским послам в Париже, что они "пришлют королю Генриху, поскольку он молод, маленькие мячики для игры и мягкие подушки для сна, чтобы помочь ему вырасти в мужественную силу". Услышав это, король ответил так же, как и у Элмхэма, добавив: "Если вдруг они решили лечь спать на мягких подушках, то я, может быть, раньше, чем они того пожелают, пробужу их от сна, постучав в их двери на рассвете"[99]. Такой тон больше соответствует позиции Генриха в 1415 году, чем в 1414, а также французской уверенности, возникшей после примирения бургундцев и арманьяков, на котором присутствовали английские послы: в письме, отправленном Тьерри Жерботе в Париж, отмечалось, что "английские послы были совсем не рады… это не вызывает у меня беспокойства, но они дали понять, что намерены осуществить свои планы во Франции этим летом"[100].

Независимо от даты и формы инцидента с теннисными мячами, он отражает слабую международную репутацию Генриха на ранних этапах его правления. Французы не воспринимали его всерьез. Даже в 1415 году один француз высказал мнение, что он страдает избыточным весом и часто болеет[101].

Теперь единственным выходом для Генриха оставалась война, чего, во всяком случае, все больше кажется, хотел лично он. Хотя французы в последнюю минуту отправили посольство в Англию в июне, когда Генрих переехал в Винчестер для подготовки к отъезду на войну, это было сделано в основном для показухи — для того, чтобы Генрих был представлен как очевидный агрессор, а также для проверки эффективности мобилизации армии Генриха. Генрих ответил на попытку французов захватить моральное преимущество, обнародованием копии предложений арманьякских сеньоров 1412 года о возврате земель по договору в Бретиньи, которую он отправил на Констанцский собор и его главе, Сигизмунду Люксембургскому, королю Германии, а впоследствии императору, "чтобы все христианство знало, какую великую несправедливость причинили ему французы своим двуличием, и что, как бы неохотно и против своей воли, он был

вынужден поднять свои штандарты против мятежников"[102].

Хотя Генрих смог собрать людей и деньги для своей экспедиции, ни то, ни другое не далось ему легко. Он хотел провести 12-месячную завоевательную кампанию, но у него не было достаточно наличных денег, чтобы выплатить солдатам жалованье, даже с учетом доходов от налогообложения и займов от Лондона и других английских городов и частных лиц, а также от итальянских купцов, группы, занимавшей видное место в европейских кредитных механизмах. Перед тем, как 29 апреля были заключены инденты (контракты на службу) на время кампании, лорды обсудили эту проблему между собой и сказали королю, что он должен предоставить достаточную гарантию оплаты после первых трех месяцев службы[103]. Решением стало предоставление капитанам отрядов предметов из коллекции королевских драгоценностей в качестве залога на вторые три месяца, с обязательством короны найти средства для выкупа этих предметов к январю 1417 года. Хотя короли и раньше использовали драгоценности для обеспечения займов от корпораций и частных лиц, а Генрих заложил свои "petits joyaulx" для поддержки своих войск в Уэльсе, когда был принцем, 1415 год — первый и, возможно, единственный случай, когда они были заложены непосредственно капитанам, заключившим контракт о службе в военной кампании[104]. Механизм сработал, но Генрих, по сути, отдавал в залог свое будущее и нуждался в успехе во Франции для сбора дополнительных налогов и займов, чтобы выкупить драгоценности.

Королевский совет был обеспокоен тем, чтобы другие обязательства по защите королевства не были упущены из виду. "До отъезда короля должны быть сделаны соответствующие приготовления", — говорится в одном из протоколов[105]. Было сочтено необходимым отправить в общей сложности 1.800 солдат на границу с Шотландией, в Уэльс и Кале и для обороны Ла-Манша, а королевские агенты были даже отправлены в Уэльс в надежде найти все еще не пойманного Оуэна Глендовера, чтобы заключить сделку и тем самым предотвратить любые проблемы во время отсутствия короля[106]. Предполагаемый шпион Жан Фузорис сообщил на суде во Франции, что "доктор" при королевском дворе сказал ему, что заключение брака с Екатериной был бы лучше для Генриха, чем война, и что многие предпочитали его брата Томаса или Эдмунда, графа Марча. Если король продолжит свое вторжение, добавил "доктор", в Англии начнется восстание против него, пока он будет отсутствовать. Если он начнет кампанию во Францию, но быстро вернется, не оправдав всех понесенных расходов, его не очень хорошо встретят

по возвращении[107].

На самом деле, восстание против него началось еще до его отъезда. В Саутгемптонском заговоре, как известно, участвовали родственник Генриха Ричард, граф Кембриджский, и рыцарь из Нортумберленда сэр Томас Грей из Хетона. Что именно они намеревались сделать, остается неясным — документы с их признаниями повреждены, — но, судя по всему, обсуждения велись уже давно. Говорили о том, чтобы доставить из Шотландии человека, выдававшего себя за Ричарда II, связывая это с шотландским вторжением, а также с участием семьи Перси. Была также идея отправить графа Марча в Уэльс и поднять там восстание, чтобы напасть на Генриха. Все это перекликалось с проблемами короны при Генрихе IV. И наконец, была простая идея убить короля и его братьев.

Два момента делают этот заговор серьезным. Во-первых, мятеж должен был произойти в то время, когда король собирал войска для отплытия во Францию, и поэтому, на первый взгляд, был хорошо защищен, если только заговорщики не предполагали, что есть и другие, кто думает так же, как они. В своих признаниях они утверждали, что их поддерживал даже граф Арундел и другие лорды. Возможно, планы вторжения Генриха не были полностью поддержаны дворянами. Во-вторых, в заговоре участвовали люди, близкие к королю по статусу, особенно его двоюродный дядя Ричард, которого он совсем недавно возвел в графское достоинство. Генри, лорд Скроуп, пользовавшийся большим доверием короля как переговорщик с Бургундией в 1414 году и казначей в период контроля принца над советом в 1410–11 годах, также попал под подозрение короля за то, что не раскрыл заговор. Граф Марч, возможно, под влиянием того факта, что Генрих V относился к нему с почтением, решил предупредить короля, хотя ранее он мало что сделал, чтобы помешать заговорщикам. Сэр Томас Грей утверждал, что Скроуп сказал графу, "что вы [т. е. король] не будете в безопасности, где бы вы ни находились, или куда бы ни поехали"[108].

Генрих действовал быстро, казнив Ричарда Кембриджского, Грея и Скроупа после суммарного судебного разбирательства. Эта история показывает, что, несмотря на все усилия Генриха утвердить свое положение как короля, у него все еще оставались слабые места, даже при своем дворе. Интересно также отметить, что первые два ланкастерских короля были склонны наживать врагов из своих бывших друзей. Для Генриха это произошло дважды: с Олдкаслом и саутгемптонскими заговорщиками. Даже если угроза низложения была не очень велика, она все же существовала. То, что Генрих так быстро расправился с

Саутгемптонским заговором, не проявив милосердия даже к тем, кто ранее хорошо ему служил, помогло укрепить его позиции, когда он готовился отплыть во Францию, хотя скорее террором, чем убеждением. К тому времени, когда он покинул Англию 11 августа, его навязчивая идея вторжения во Францию, которую он считал своей миссией, данной ему Богом, взяла верх над всеми другими чувствами. Он не мог потерять лицо ни дома, ни за границей, отменив экспедицию сейчас.

3.
Азенкур и Нормандия

Мы настолько очарованы шекспировскими словами о "немногих счастливцах", что масштаб вторжения Генриха V во Францию, как правило, остается непризнанным. Поход Генриха в 1415 году стал первым случаем после похода Эдуарда III в 1359 году, когда английский король лично повел войска во Францию, и он намеревался показать себя во всей красе. Его армия, численность которой приближалась к 12.000 человек, была больше, чем в 1359 году, и не намного меньше, чем в 1346 году, с которой Эдуард III одержал свою знаменитую победу при Креси. В тот раз Эдуард совершил рейд по Нормандии, но не добился конкретных завоеваний. Генрих V, напротив, был полон решимости захватить и оккупировать французскую территорию. Для этого он набрал войска на длительный и дорогостоящий период в 12 месяцев, потребовав от них взять с собой 3-месячный запас продовольствия, что свидетельствует о том, что он предполагал использовать людей в осадах, а не в разрушительных сожжениях и грабежах шевоше, где жизнь за счет местного населения была важной частью стратегии. Действительно, Генрих также взял с собой сильный отряд артиллеристов, рудокопов, каменщиков и другой вспомогательный персонал, необходимый для ведения осадной войны.

Стратегия Генриха была новым шагом в английской военной политике и демонстрирует как амбициозный, так и творческий подход. Владение территорией, особенно богатым и экономически важным герцогством Нормандия, открывало перспективы значительной финансовой выгоды. На заседании парламента в ноябре 1414 года канцлер указал, что "если их принц увеличит свою вотчину, то можно будет уменьшить бремя его подданных"[109]. Более того, Генрих, возможно, уже имел в виду распределение завоеванных земель среди своих солдат. Захват нормандских портов также устранил бы угрозу английскому судоходству: Арфлер, расположенный в устье Сены, был главным очагом пиратства, которому потворствовало французское правительство. Учитывая сильное меркантильное лобби в парламенте и в Лондоне, эта стратегия была бы привлекательной и внутри страны. Кроме того, из Англии было относительно легко пополнять запасы и укреплять Нормандию.

Завоевания укрепили бы позиции Генриха на переговорах с французами, а также продемонстрировали бы на европейской арене, что англичане являются силой, с которой необходимо считаться.

Присутствие Генриха во Франции было бы невыносимым оскорблением для французов, которые были бы обязаны ответить и вызвать его на бой, что, учитывая размер его армии, было бы весьма проблематично, поскольку французам потребовалось бы время и деньги, чтобы собрать достаточно большие силы, чтобы противостоять ему, что дало бы ему время утвердить свое положение путем завоевания территории. При этом, если Генрих надеялся извлечь выгоду из унаследованных от прошлого напряженных отношений между соперничающими французскими партиями, арманьяками и бургундцами, либо заключив союз с одной из них, либо ожидая, что они будут ослаблены своими прежними разногласиями, то его ждало разочарование. Примирение между ними, достигнутое ими 23 февраля, соблюдалось.

Первоначальное преимущество было на стороне Генриха как захватчика. Французы не смогли достаточно быстро собрать армию, чтобы противостоять англичанам во время осады Арфлера (17 августа — 22 сентября 1415 года), и не приложили к этому никаких усилий. Тем не менее, кампания прошла не так, как планировалось. Взять Арфлер оказалось сложнее, чем ожидалось: осада затянулась на пять недель. Генрих применил угрозы, заявив о своих полномочиях в соответствии с главой 20 Книги Второзакония действовать жестоко по отношению к городу и его жителям, если они откажутся сдаться. Действительно, он стал первым западноевропейским королем, который прямо сослался на этот библейский прецедент в войне, позволявший правителям действовать жестоко в отношении мест, которые они считали принадлежащими им по праву и которые сопротивлялись их власти. Впервые он упомянул об этом в последнем письме, которое он отправил Карлу VI 28 июля перед началом вторжения[110]. Безымянный автор *Gesta Henrici Quinti* (*Деяния Генриха Пятого*), священник, сопровождавший армию Генриха, рассказывает нам, что как только он взошел на трон, король "выписал себе на грудь законы Второзакония",[111] предполагая, что это библейское понимание могло быть связано с его религиозным преображением после вступления на престол. Горожане Арфлера решили сдаться, когда Генрих пригрозил начать штурм и когда они обнаружили, что французский король и его сын не в состоянии снять осаду, потому что не могут собрать достаточно большую армию на данный момент.

Твердая вера Генриха в то, что именно Бог даровал ему победу, определила манеру его входа в Арфлер, босиком и с молитвами и обрядами в церкви Сен-Мартен. Это не скрывало его намерения превратить город во второй Кале, изгнав большую часть населения и поощряя английских поселенцев обещанием домов и даже хартией вольностей. Но победа досталась дорогой ценой. Его армия была слишком велика, чтобы так долго находиться в одном замкнутом пространстве, и, благодаря антисанитарным условиям, была поражена дизентерией. По меньшей мере 1.330 человек пришлось отправить домой, а еще неизвестное число умерло во время осады. Среди них был и давний друг и советник Генриха Ричард Куртенэ, который умер в Арфлере 15 сентября. Генрих был настолько предан ему, что его тело было доставлено обратно в Англию для захоронения рядом с гробницей короля в Вестминстерском аббатстве. Второй близкий друг, граф Арундел, также тяжело заболел, но умер в Англии 13 октября; брат короля Томас также вернулся домой больным.

Защитные сооружения Арфлера была настолько сильно повреждены английскими бомбардировками, что Генриху пришлось оставить исключительно большой гарнизон из 1.200 человек под командованием Томаса Бофорта, графа Дорсета, чтобы у французов не было соблазна предпринять попытку отбить город. Когда по меньшей мере треть его людей уже не могла продолжать кампанию, а осень приближалась, Генрих отказался от попыток продвинуться вглубь Франции и решил отступить в английский порт Кале. Во время подготовки к этому он попытался испытать и оскорбить французов, вызвав на личный поединок дофина Людовика. Победитель в поединке должен был стать преемником Карла VI после его смерти[112]. Генрих сделал это только для того, чтобы показать, что у него есть преимущество, так как знал, что не получит никакого ответа.

Хотя кампания Генриха продемонстрировала способность англичан вторгаться во Францию и наносить ей ущерб, его завоевания не были столь масштабными и не были достигнуты так быстро, как он надеялся. Отступив сейчас, он мог ограничить финансовое бремя, что позволило бы ему легче вернуть драгоценности, розданные капитанам в качестве обеспечения жалования за второй 3-месячный период службы. Не будучи уверенным в дальнейших завоеваниях на данном этапе, он стремился минимизировать риски в надежде вернуться во Францию в более сильном положении. Отступая от Арфлера в сторону Кале, что он и сделал между 6 и 8 октября, он снизил вероятность того, что французы предпримут немедленную попытку вернуть Арфлер. Скорее, у них возникло бы искушение

преследовать Генриха, пока он продвигался на север.

В этот момент он не хотел вступать в сражение с французами. Его первоначальный маршрут вблизи побережья Верхней Нормандии показывает, что он хотел как можно быстрее добраться до Кале: автор *Gesta* предполагал, что поход на север займет 8 дней после того, как армия выйдет из Арфлера[113]. Но, прибыв к устью Соммы, Генрих узнал, что французы собрали большую армию на северном берегу реки, тем самым преградив ему путь в Кале. Зная, насколько уязвимой будет его армия, если ее перехватят во время или сразу после переправы через широкую реку, поскольку ее нелегко будет привести в боевое состояние, Генрих двинулся на восток вдоль южного берега Соммы в поисках более безопасной переправы. В *Gesta* его переправа через реку 19 октября на расстоянии более 60 миль вглубь страны изображается как крупное военное достижение, которое, вероятно, позволит Генриху избежать столкновения: "Мы твердо надеялись, что вражеская армия… не будет склонна следовать за нами для сражения"[114]. Переправа вынудила французов перехватить его до того, как он достигнет Кале. Так, 20 октября французские командиры, уже собравшие свои силы в Перонне, послали к Генриху герольдов, чтобы сообщить ему, что они вступят с ним в сражение до того, как он достигнет города. Возможно, что в этот момент они выбрали местом сражения Обиньи, но поскольку Генрих намеренно двинулся в другом направлении, все еще пытаясь избежать сражения, французы в итоге перехватили его недалеко от Азенкура (современная деревня *Azincourt*), в 34-х милях к югу от Кале.

На первый взгляд, преимущества в битве были на стороне французов. Армия Генриха сократилась до 8.500 человек, в ней преобладали лучники, более 80% от общей численности, которые не были полностью защищены доспехами и поэтому были уязвимы перед лицом кавалерийской атаки. Часть французской армии следила за походом Генриха, еще до того, как он перешел Сомму, и он предвидел, что ему придется вступить в бой. В Корби 17 октября он приказал своим лучникам заготовить колья длиной в шесть футов и заострить их с каждого конца, чтобы воткнуть их в землю перед собой для защиты от ожидаемой атаки французской кавалерии. Мы должны предположить, что он или другие в его армии слышали об эффективности кольев в битве при Никополе в 1396 году для защиты османских войск и тем самым способствовали их победе над союзными силами крестоносцев. На протяжении всего похода он также контролировал соблюдение строгой дисциплины в своих войсках, даже заставлял солдат, нашедших вино в одном из замков по

пути, опустошать наполненные бутылки.

Руководство Генриха во многом способствовало поддержанию духа англичан. Это было особенно ценно, когда 24 октября англичане прибыли к Азенкуру и увидели, что путь им преграждает большое французское войско. Он ожидал, что в этот день будет дано сражение. Собрав свои войска, он "очень спокойно и совершенно не обращая внимания на опасность, ободрил свою армию"[115]. На самом деле французы решили не вступать в бой. Задержка устраивала их, так как она усилила бы беспокойство англичан и позволила бы прибыть их опоздавшим подкреплениям. Как выяснилось, не все прибыли вовремя, чтобы сражаться. Например, герцог Бретани 25 октября все еще находился в Амьене, а герцог Брабантский хотя и прибыл к Азенкуру, но только после того, как основная часть сражения была уже закончена.

У французов была не такая большая армия, как они надеялись. Точно узнать, сколько их было, проблематично, но численность не могла быть столь высокой, как часто смехотворно завышенные цифры, приведенные в хрониках. Во Франции был введен чрезвычайный налог на содержание 6.000 воинов-латников и 3.000 *gens de trait* (арбалетчиков, а также лучников с большими луками), и мы можем добавить других, собранных *semonce des nobles* (призыв к дворянам и тем, кто "привык участвовать в войнах", чтобы они несли службу, хотя обычно все еще ожидая жалования), из Нормандии и Пикардии (согласно спискам погибших в хрониках, большинство убитых были из этих областей), а также войска с северо-восточных границ. Общее число около 12.000 человек не является нереальным, и все же оно значительно больше, чем 8.500 или около того в армии Генриха. Но если англичанам помог тот факт, что они уже более двух месяцев находились вместе под началом короля, который превратился в сильного и харизматичного лидера, и у них было время выработать тактику, то французская армия собиралась с бору по сосенке. Было решено, что Карл VI и дофин не будут участвовать в сражении (знак того, что французы продолжали беспокоиться о потенциальной силе Генриха). Поэтому главным командиром стал Карл, герцог Орлеанский, человек с небольшим военным опытом, который в последнюю минуту был введен в существующий план сражения, разработанный для битвы ближе к Сомме. Первоначально герцогам Бургундскому и Орлеанскому было приказано держаться подальше от сражения, поскольку французская корона помнила о давней распре между ними.

Утром 25 октября обе стороны подтянули свои силы.

Французы выставили в авангарде значительную часть своей армии, возможно, до 5.000 латников, намереваясь своей численностью опрокинуть немногочисленных английских коллег (численность которых не превышала 1.500 человек) и захватить короля. У французов был, по крайней мере, еще один большой отряд латников, но нет уверенности, что у них был третий отряд в тылу. Они неохотно задействовали своих арбалетчиков и лучников, возможно, потому, что считали их слишком малочисленными по сравнению с английскими и, следовательно, уязвимыми перед мощью английских обстрелов. Арбалетчикам требовалось время на перезарядку своего оружия, а стрелок в это время был незащищен. Французы решили, что кавалерия с каждого фланга должна была атаковать английских лучников, чтобы выбить их из боя. В принципе, это был разумный ход, но он не сработал так, как планировалось. Во-первых, похоже, что многие очень неохотно присоединялись к кавалерии, поскольку они предпочитали сражаться в авангарде, где можно было заполучить более ценных пленников. Поэтому силы кавалерийских отрядов были недостаточно велики, чтобы быть эффективными. Возможно также, что французы, которые были направлены в кавалерийскую атаку против лучников, осознавали губительное воздействие стрел на лошадей, которые обычно не были хорошо бронированы, и предпочли не присоединяться к атаке против лучников. Во-вторых, поскольку Генрих защитил своих лучников кольями, это затруднило атаку французов. Повергнутые в смятение, всадники повернули, чтобы отступить, но столкнулись со следующими за ними рядами и с авангардом пеших французских латников.

Успех Генриха был обусловлен в первую очередь тем, что он грамотно расставил лучников. Имея в своем распоряжении такое большое количество лучников, он разместил их как на флангах, так и впереди трех баталий (отрядов) своих пехотинцев. Защищенные кольями, они были в состоянии поддерживать настоящий шквальный обстрел, расстроив атаку французской конницы и затруднив движение пешего авангарда. Шквал стрел создал тяжелую ситуацию, в которой у французов не было иного выбора, кроме как пытаться продолжать движение. Возник естественный эффект воронки: наступающие пехотинцы оказались так тесно сгрудившимися, что не могли даже поднять оружие. Люди падали, и на них падали другие. Судя по всему, земля, по которой пришлось продвигаться французам, представляла собой поле грязи из-за прошедшего ночью дождя, сделавшего недавно перепаханное поле труднопроходимым. Многие погибли от удушья или утонули в

грязи, так и не дойдя до английских позиций, чтобы вступить в бой.

Генрих был проницателен в своем построении войск, что, несомненно, было результатом разведки накануне битвы. Возглавляя меньшую армию, он занял оборонительную позицию, даже если ему пришлось сделать первоначальный шаг вперед на новую позицию, чтобы спровоцировать французов на атаку (еще один признак того, что они все еще надеялись на прибытие подкреплений). Он командовал центральной баталией. Все рассказы подчеркивают его личную доблесть: его брат Хамфри во время боя был повержен на землю, но король стоял над ним, чтобы защитить его, пока его не отвели в безопасное место. Генрих полностью участвовал в сражении, подавая пример своим войскам. Его дядя Эдуард, герцог Йоркский, командовал авангардом, первой английской баталией, которая приняла на себя основную тяжесть французской атаки; герцог при этом пал в бою. Арьергард находился под командованием Томаса, лорда Камойса, который был женат на представительнице королевской семьи, и который, будучи опытным 65-летним воином, смог удержать строй и дисциплину своих войск в ожидании атаки.

Замедлив движение, французские латники стали легкой мишенью для англичан. Даже лучники, несмотря на отсутствие у них оружия, могли подобраться к сгрудившимся французам и использовать все, что попадалось под руку — молоты, топоры и кинжалы — для того, чтобы расправиться с людьми, которые при других обстоятельствах были бы слишком хорошо вооружены, чтобы они могли бросить им вызов. Как следствие, другие французские баталии, видя, что происходит, просто покинули поле боя. В этом контексте численность французской армии была несущественна, поскольку далеко не все приняли участие в битве. Генрих посчитал битву выигранной и разрешил своим людям искать пленных среди куч французов. Прошло достаточно времени, чтобы пленные были собраны и отведены в тыл. Но в какой-то момент — мы не знаем точно, через сколько времени — раздался крик, что французы собираются предпринять новую атаку. Вероятно, это было запоздалое прибытие герцога Брабантского. Генрих понял, что его армия не в состоянии вновь собраться для боя. Люди уже сняли шлемы и перчатки и находились не в строю. Поэтому он приказал перебить пленных. По воспоминаниям Жильбера де Ланнуа, который в 1415 году был камергером Филиппа, сына герцога Иоанна Бургундского:

> Я был ранен в колено и голову и лежал среди убитых. Когда трупы обыскали, меня взяли в плен… и

> некоторое время держали под охраной. Затем меня привели в дом неподалеку с 10 или 12 другими пленными, которые все были ранены. И там, когда герцог Брабантский предпринял новую атаку, раздался крик, что все должны убить его пленных. Чтобы это произошло быстрее, они подожгли дом, в котором мы находились[116].

Каким бы бессердечным ни казался этот поступок (по другим источникам, пленных убивали и оружием), Генрих был поставлен в уязвимое положение. Чтобы защитить своих людей, он должен был действовать быстро и решительно. Ни один современный источник не критикует его решение убить пленных. Все источники, кроме одного, связывают его решение с реальной опасностью новой атаки французов. (Исключением является ссылка летописца Пьера Фенина на нападение на английский обоз, событие, которое, безусловно, имело место, но на начальной стадии сражения, что привело к потере, помимо прочего, некоторых личных вещей самого короля). Было полностью признано, что ни один полководец не может подвергать опасности свою собственную армию: французских и кастильских пленных португальские командиры приказали убить во время битвы при Альжубарроте в 1385 году, когда посчитали, что новая атака неизбежна. Генрих также не мог допустить, чтобы у него отняли уже одержанную победу. Это также объясняет, почему он быстро покинул поле битвы на следующий день и сохранял оборонительную тактику на марше к Кале, которого он достиг 29 октября.

Для многих сегодня битва при Азенкуре является главным достижением Генриха. Однако вряд ли это была решающая победа, как при Пуатье (1356), в которой был захвачен король Франции, что потребовало от французов переговоров о его освобождении и договора, по которому Эдуард III получил значительные территории во Франции. Ни Карл VI, ни дофин не присутствовали при Азенкуре, а пленные не были настолько политически важны, чтобы заставить французов сесть за стол переговоров. В этом отношении Азенкур напоминал Креси. Как и в случае с Креси, потери с английской стороны были очень низкими, а с французской — высокими, из-за чего французы не хотели больше встречаться с англичанами на поле боя. Однако, в отличие от Креси, при Азенкуре было большое количество пленных французов — даже после их убийства — что давало потенциальную прибыль как короне, так и ее солдатам. Известно по меньшей мере о 320 пленных, а число погибших, по

достоверным данным, составляет около 500 человек. Это контрастирует с оценкой числа английских погибших, которое в некоторых источниках составляет менее 30 человек, но, вероятно, превышает 100. Несмотря на это, о масштабах победы говорит асимметричное воздействие битвы на армии. Победа Генриха искупила то, что в противном случае могло бы стать провальной кампанией для англичан. Сражения были относительно редкими, а сражения такого масштаба с участием коронованной особы — еще более редкими. Но политическое преимущество Генриха в Англии было огромным, и, возможно, это самое большое влияние битвы. Победа закрепила его положение раз и навсегда, и он сделал многое, чтобы использовать ее для укрепления своей королевской власти.

Возможно, вначале он подумывал о продолжении кампании. Именно такое впечатление он хотел произвести на парламент, который открылся 4 ноября 1415 года, пока он все еще находился во Франции. Во вступительной речи канцлер сообщил об успехах при Арфлере и Азенкуре — "слава Богу, с величайшей честью и выгодой, которую когда-либо имело королевство за столь короткое время" — но предупредил, что без дальнейшей финансовой помощи эта "благоприятная, почетная и выгодная экспедиция" не может продолжаться. Лордам и общинам было предложено рассмотреть, "как можно было бы выделить средства на эти цели… такие, которые подойдут для завершения и продолжения экспедиции"[117]. Действительно ли Генрих рассматривал возможность продления кампании, возможно, с нападением на удерживаемую бургундцами крепость Ардр на границе области Кале, кажется маловероятным: если так, то, похоже, его отговорили главные капитаны. Более вероятно, что король беспокоился о своих финансовых ресурсах в целом, и считал, что парламент с большей вероятностью проголосует за очередной налог, если будет уверен, что он хочет продолжать войну. Так и вышло: после того, как выплата светской субсидии, запланированная на февраль 1416 года, была перенесена на декабрь 1415 года, новая субсидия была предоставлена на ноябрь 1416 года, а король получил в свое распоряжение пожизненную торговую пошлину, он объявил кампанию завершенной и привел свою армию домой. Парламент закрылся 13 ноября. Через три дня Генрих высадился в Англии.

23 ноября он с триумфом въехал в Лондон, а горожане организовали и оплатили серию театральных постановок в его честь, а также в их честь, чтобы подчеркнуть статус города и свой собственный престиж. В конце Лондонского моста статуи великанов Гога и Магога, традиционные стражи города,

были одеты во все свое великолепие, "стремясь увидеть с нетерпением ожидаемое лицо своего господина и приветствовать его обильными похвалами"[118]. По дороге короля встречали хоры и геральдические представления. Башня водопровода в Корнхилле была покрыта малиновой тканью и украшена королевским гербом, а также гербами Святого Георгия, Святого Эдуарда Исповедника и Святого Эдмунда. Когда король проезжал мимо нее, "компания пророков" с белыми волосами, золотыми копнами и тюрбанами выпустила "в качестве жертвы Богу за победу" воробьев и других мелких птиц. "Некоторые опустились на грудь короля, некоторые сели ему на плечи, а некоторые кружились в извилистом полете", в то время как пророки скандировали "воспойте Господу новую песнь, Аллилуйя"[119]. У креста в Чипсайде хор прекрасных юных дев, одетых в белое, "пел "Приветствуем Генриха, пятнадцатилетнего, короля Энглона и Фраунса", как будто для нового Давида, возвращающегося после убийства Голиафа, которого уместно было бы представить надменным французом"[120]. Однако это не был триумф в римском стиле. Короля сопровождала не вся армия, а лишь небольшая свита, и только шесть самых важных пленников были представлены на параде. Зрители были поражены скромным поведением короля, которое подчеркивало его постоянный акцент на божественной природе его победы. Шествие завершилось религиозной церемонией в Вестминстерском аббатстве.

Все упоминания об Азенкуре после этого события сознательно связывались с Божьей поддержкой короля. Идея победы, дарованной Богом, была не нова, но Генрих поднял ее на новую высоту как часть своего видения королевской власти. Она также разжигалась его советниками — по крайней мере, один из них, несмотря на самозабвенную проекцию смирения короля, беспокоился, что победа пойдет королю впрок:

> Ваше королевское величество считает и твердо придерживается, как я полагаю, что не ваша рука, а протянутая рука Бога совершила все это для Его собственной хвалы, чести и славы английской нации и вечной памяти королевского имени… Более того, подобает, чтобы ваше королевское величество не хвалилось прошлым, а беспокоилось о будущем; пусть сила наших врагов не тянет нас назад; пусть их проницательность не беспокоит нас; пусть никакие честные обещания никого не соблазняют[121].

Автором этих слов, вполне вероятно, был дядя и канцлер Генриха, Генрих Бофорт: если это так, то, возможно, они были

написаны с учетом прошлого поведения Генриха как принца, а также как короля.

Но если эти слова подразумевали, что Азенкур обеспечил решающее преимущество в англо-французской политике, то это оказалось не так. Действительно, вместо того, чтобы ответить на сокрушительное поражение дипломатическими усилиями по достижению договоренностей, французы стремились как можно быстрее нанести ответный удар, пытаясь вернуть Арфлер. Английское завоевание было очень трудно удержать, особенно в плане снабжения гарнизона продовольствием; действительно, все более отчаянные вылазки из города в марте 1416 года закончились почти катастрофой, с потерей как людей, так и лошадей. К началу апреля французы установили морскую блокаду города и разместили гарнизоны на суше. Граф Дорсет, который был назначен капитаном Арфлера после его сдачи, к середине месяца был на пределе сил. Он несколько раз писал в королевский совет с просьбой о предоставлении продовольствия, артиллерии и других припасов, "но, — отмечал он в резкой депеше, — ничего не было предоставлено", что "крайне разочаровало меня и верных подданных короля… если мясо не будет прислано как можно скорее, нам придется вернуться в Уитсун" (7 июня)[122].

С конца января того года Генрих разрабатывал планы очередной экспедиции во Францию[123]. Но хотя парламент, заседавший в марте и апреле 1416 года, согласился перенести на июнь субсидию, которую должны были выплатить в ноябре, проблема Арфлера заставила Генриха перейти к обороне. В конце мая и начале июня для спасения Арфлера была собрана армия в 7.500 человек, в соотношение один латник к двум лучникам, в отличие от одного к трем, предпочтительного для сухопутных кампаний, что отражало намерение использовать ее на море, где не требовалось большого количества лучников.

Но хотя Генрих переехал в Саутгемптон в начале июля, он не участвовал в последовавшей за этим морской кампании, которой командовал его брат Джон, герцог Бедфордский. Двумя месяцами ранее Генрих принял Сигизмунда Люксембургского, короля Германии, которого англичане уже называли императором, прибывшего в Англию с намерением выступить посредником в установлении мира между Англией и Францией ради решения на Констанцском соборе вопроса о папском расколе. Визит Сигизмунда стал дипломатическим переворотом для Генриха — европейские правители редко решались пересечь Ла-Манш — и он ответил добром на добро, щедро потратив средства на развлечения своего императорского гостя и 24 мая наградил его

орденом Подвязки. По всей видимости, именно Сигизмунд убедил Генриха, что "королю слишком опасно для него и потенциально вредно для общего блага лично рисковать морскими опасностями"[124].

В конце мая к Сигизмунду в Англии присоединился Вильгельм, граф Голландии, Зеландии и Эно, с идеей, что оба они должны попытаться посредничать в урегулировании конфликта между Англией и Францией. Но их решение — передать Арфлер в руки императора — не устроило ни Генриха (который добавил его к завоеваниям Эдуарда III, по договору в Бретиньи 1360 года, как необходимое условие мира), ни французов, которые предполагали, что вскоре они отобьют город. Смирившись с неудачей, Сигизмунд был готов заключить вечный союз с Генрихом, который был скреплен в Кентербери 15 августа — в тот самый день, когда, по воле случая, флот под командованием его брата Джона, герцога Бедфорда, разгромил французов в битве на Сене и спас для англичан Арфлер.

Кентерберийский договор признавал права Генриха против французов и теоретически предлагал имперскую поддержку в их осуществлении — хотя, как выяснилось позже, император никогда не предоставит Генриху военной помощи. Но договор был важен просто своим подписанием. Это было доказательством того, что Генрих, основываясь на своих претензиях к французам, теперь рассматривался как серьезный игрок в Европе. Не менее важной была и встреча между Генрихом и шурином Вильгельма, Иоанном Бесстрашным, герцогом Бургундским, которая должна была состояться в октябре следующего года в Кале при посредничестве графа Вильгельма.

Что обе стороны надеялись получить от этой встречи, и что именно на ней произошло, остается окутанным тайной. Согласно одному недатированному английскому дипломатическому источнику, герцог Иоанн был склонен поддержать притязания Генриха на французскую корону; другой источник, однако, сообщает, что, когда Генрих предложил ему долю в будущих французских завоеваниях, герцог отказался[125]. Маловероятно, что между Генрихом и герцогом Иоанном было достигнуто какое-либо взаимопонимание. Более того, власть бургундцев во Франции в этот момент была неопределенной, поскольку герцог не играл формальной роли в правительстве и не контролировал короля. На самом деле, согласие герцога на встречу с английским королем преследовало цель просто напомнить своим внутренним врагам во Франции, партии арманьяков, что он может устроить им неприятности, если сочтет нужным.

Осенью того же года стало очевидно, что Генрих намерен

начать новую сухопутную кампанию во Франции, с бургундской помощью или без нее. Хотя его победы облегчили завоевание поддержки на родине, она отнюдь не была гарантирована: Генриху все еще приходилось заниматься политикой убеждения. На заседании парламента, которое началось в Вестминстере 19 октября 1416 года, во вступительной речи канцлера Генри Бофорта подчеркивались не только военные успехи короля во Франции в 1415 году, но и его усилия на Лестерском парламенте 1414 года, направленные на соблюдение законов в королевстве. Речь включала призыв "давайте вести войны, чтобы у нас был мир, ибо конец войны — мир"[126]. Война, таким образом, представляла твердую королевскую волю к достижению "справедливости" дома и за границей. В этом Бофорт отразил то, каким Генрих хотел представить себя: справедливым и миролюбивым королем. Стремясь к войне, он в равной степени хотел, чтобы его видели не проливающим христианскую кровь. В данном случае война изображалась не как самоцель, а как способ привести — или, точнее, принудить — французов к миру. Подразумевалось, что это будет долгая кампания, но уверенность в положительном исходе подкреплялась библейской аналогией. Был упомянут тот факт, что это был шестой парламент короля. Как и в случае с Творением, которое полностью завершилось на седьмой день, идеальное и скорейшее завершение было, несомненно, близко.

Общины удалось убедить, и они выделили двойную субсидию в 76.000 фунтов стерлингов, три четверти которой, по их великодушному согласию, можно было собрать к февралю 1417 года. Такое соглашение дало Генриху гораздо больше наличных денег, чем у него было для кампании 1415 года, двумя годами ранее, и позволило ему начать собирать войска, как только начали поступать деньги. Однако другое решение парламента также свидетельствует о том, что существовали некоторые сомнения относительно кредитных механизмов, которые Генрих использовал для мобилизации войск в 1415 году. Хотя было решено, что текущие налоговые поступления могут быть использованы в качестве обеспечения кредитов, король должен был пообещать, что будет усердно работать для их погашения; его братья Томас и Джон также были обязаны сделать это, если король умрет в это время.

Здесь Генрих проявил себя как искусный переговорщик, готовый идти на компромисс для достижения желаемого результата, что также видно из его усилий по решению других финансовых вопросов, оставшихся с 1415 года, касающихся использования драгоценностей для оплаты второй четверти

военной службы. В договоре на кампанию 1415 года Генрих обязывался выкупить заложенные королевские драгоценности в течение 19 месяцев, то есть к январю 1417 года, до которого оставалась всего пара месяцев. Тем временем, 19 ноября 1416 года, на следующий день после окончания работы парламента, сэр Роберт Бабторп, управляющий королевским хозяйством, передал в Казначейство список тех, кто сражался при Азенкуре. Это, несомненно, отражает мнение знати о том, что прежде чем составлять контракты на новую кампанию, короне необходимо рассчитаться с еще существующими долгами: многие капитаны Генриха в итоге платили солдатам из собственного кармана.

Короля также попросили ответить на другие нерешенные вопросы. Об этих проблемах свидетельствует протокол совета за 6 марта 1417 года, в котором отмечены как вопросы, так и ответы короля. Пятый вопрос, заданный Генриху, касался того, "должны ли те, кто ведет учет людей, убитых в битве при Азенкуре, отдать им всю вторую четверть жалования или только до дня их смерти". Генрих ответил, что "им должно быть позволено то же, что и другим, ныне живущим"[127]. Другими словами, любой убитый при Азенкуре, как и оставшийся в живых, должен был считаться имеющим право на получение жалования за всю кампанию. Поэтому не было необходимости регистрировать погибших при Азенкуре в процессе учета после кампании, и именно поэтому мы имеем неполные сведения о погибших англичанах. Это был щедрый жест Генриха, который королю было полезно сделать, когда нужно было набирать новую армию, и который также помог бы воскресить в памяти людей славу победы 1415 года.

В конце парламента Томас Бофорт, который так энергично защищал Арфлер после его завоевания, был повышен в звании с графа Дорсета до герцога Эксетера: напоминание дворянам и джентри, если оно было необходимо, о потенциальных наградах за военную службу. Агрессивно антифранцузский тон также присутствовал в подтверждении парламентом союза Генриха с Сигизмундом, который, хотя и был "актом любви" со стороны императора, тем не менее, показал французов в плохом свете и побудил как англичан, так и подданных Сигизмунда взяться за оружие против них[128]. Когда страна готовилась к войне, Генрих удовлетворил ходатайство лондонских флетчеров (производителей луков и стрел) о том, чтобы изготовителям сабо больше не разрешалось использовать осину, поскольку эта древесина была необходима для изготовления стрел, но только при условии, что "флетчеры по всему королевству в будущем будут продавать свои стрелы по более умеренной и разумной цене, чем они продавали их раньше". Генрих хотел предотвратить

использование производителями того, что, очевидно, должно было привести к росту спроса на вооружение, поскольку он готовился к следующей кампании во Франции[129]. Между тем, оба созыва духовенства, как в провинции Йорк, так и в Кентербери, были одинаково щедры в своих налоговых субсидиях. В результате в 1416–17 годах в казначейство поступило больше денег, чем в любой другой период между 1399 и 1485 годами.

В последующие месяцы Генрих активно использовал славную память об Азенкуре для усиления общественной поддержки предстоящей кампании. По его приказу и при поддержке архиепископа Кентерберийского Генри Чичела созыв Кентерберийского собора в декабре 1416 года согласовал широкую программу празднования 25 октября на ближайшие годы. В Кентерберийской церковной провинции молитвы в этот день должны были быть распределены между Криспином и Криспинианом, чей праздник отмечался в этот день, святым Иоанном Беверлейским (чей праздник перенесения тела в новую святыню приходился на тот же день) и другими святыми мучениками. В отличие от возведения в январе 1416 года праздника Святого Георгия в статус двойного религиозного праздника, где не было упоминания о битве, формулировка декабрьского приказа 1416 года прямо ссылалась на битву: "милостивая победа, дарованная милосердием Божьим англичанам в праздник перевода святого (святого Иоанна Беверлейского) к хвале божественного имени и чести королевства Англии"[130].

Тем временем, начиная с февраля 1417 года, Генрих занялся мобилизацией армии численностью не менее 10.000 человек, несколько меньшей, чем в 1415 году, но с аналогичным соотношением латников и лучников, а отплытие было назначено на конец июля. Генрих намеренно выбрал датой высадки 1 августа, праздник Святого Петра в цепях (*St Peter ad Vincula*), полагая, что как апостол Петр был освобожден ангелом из плена царя Ирода, так и Генрих освободит нормандцев от оков французского владычества. Он предпринял не просто завоевательную кампанию, но и высокоорганизованное воссоздание английского герцогства Нормандия с королем Англии в качестве герцога. В 1415 году уже были подобные намерения, но ничто не могло сравниться со всеобъемлющей программой 1417 года.

Герцогство находилось в руках французской короны более 200 лет, с тех пор как король Иоанн Безземельный потерял его в 1204 году. В 1259 году Генрих III признал его переход к королю Франции, отказавшись от титула "герцог Нормандии",

который английские короли носили с 1066 года. Теперь, в 1417 году, программа Генриха подчеркивала две вещи. Первая — призыв к нормандскому сепаратизму. Несмотря на длительное пребывание под властью короля Франции, жители герцогства по-прежнему с подозрением относились к власти далекого Парижа, и Генрих стремился использовать эти настроения в своих интересах, предлагая нормандцам их права и привилегии до тех пор, пока они признают его власть.

Второй, дополнительный, аспект его нормандской политики заключался в намеренном обращении к англо-нормандскому прошлому, усиливая стремление на отделение Нормандии от Франции. Важнейшим элементом было предоставление земель в Нормандии своим солдатам и администраторам в качестве своего рода обратного нормандского завоевания. Эта политика, названная историками "ланкастерским земельным поселением", сохранялась до 1440-х годов, на протяжении всего времени владения герцогством англичанами. Генрих рассматривал ее как способ формирования чувства заинтересованности в своих военных целях: те, кому были дарованы земли, были обязаны их защищать, подобно тому, как это делали грантополучатели в Ирландии, Уэльсе и Шотландии в предыдущих поколениях. Условия грантов часто предполагали службу для обороны королевских замков, а также в королевской армии, за собственный счет грантополучателя. Таким образом, поселенцы давали королю военные ресурсы, снижая тем самым нагрузку на английские финансы. Это также давало ему значительные средства для вознаграждения и покровительства, подходящие для всех чинов армии: от дома в одном из захваченных городов для лучника до целого графства с титулом для высокородного дворянина. По сути, Генрих воссоздал в Нормандии "феодализм". Он использовал его в дополнение к королевским правам во Франции, которые он получил в силу своих притязаний на престол, особенно к сеньории дворян, используя его не только для вызова в армию местной знати, но и тех, кому он даровал земли.

Важнейшей частью программы Генриха было финансовое управление герцогством путем создания счетной палаты в Кане, его административной столице, чтобы доходы поступали к нему, а не к французскому королю в Париж. Со временем, когда завоевание будет завершено, предполагалось созвать *штаты* Нормандии — собрание, состоящее из представителей духовенства, дворянства и горожан, — и повысить налоги в надежде, что герцогство Генриха станет самофинансируемым. Хотя в связи с завоеванием была создана отдельная канцелярия

(Нормандский судебный архив), Генрих также стремился взять под контроль существующие административные структуры герцогства, такие как *бальяжи* — административно-территориальные единицы, являвшиеся французским эквивалентом английских шерифов. Он назначал доверенных англичан на должности *бальи*, но предусмотрительно позаботился о том, чтобы чиновники низшего ранга, такие как *виконты*, были местными жителями, знающими местную специфику и признающими английское правление.

Чтобы реализовать эту впечатляющую политическую программу, Генриху сначала нужно было провести успешную военную кампанию. Она началась 1 августа 1417 года, когда вся его армия высадилась в устье реки Тук в Нижней Нормандии: как и в 1415 году, Генрих сначала направил свою армию для осады Кана, но, в отличие от первой кампании, он позаботился о том, чтобы сначала создать небольшие плацдармы вдоль побережья. Взятие Кана заняло всего две недели, в основном благодаря бомбардировкам и раннему осознанию горожанами того, что дальнейшее сопротивление будет им только во вред, поскольку шансов на снятие осады французской армией не было. Взяв Кан, Генрих смог двинуться прямым маршем на юг, захватывая укрепленные места по мере продвижения, тем самым разрезав Нижнюю Нормандию пополам. Такой быстрый и впечатляющий успех убедил парламент, собравшийся в середине ноября 1417 года, согласиться на еще одну двойную субсидию: удивительная щедрость, учитывая, что в предыдущем году они уже выделили аналогичную сумму. Как сказал канцлер: "Великие заслуги и выдающиеся добродетели короля означали, что он полностью заслужил такие великолепные почести"[131].

К 24 ноября — более того, вероятно, что с момента высадки — Генрих стал называть себя герцогом Нормандии, а также королем Франции. Его в целом примирительная политика по отношению к завоеванному народу, подкрепленная строгой дисциплиной в войсках, была направлена на поощрение местной лояльности. Только там, где Генрих встречал сопротивление, он действовал жестко. В результате только относительно небольшое число нормандских рыцарей и дворян предпочли изгнание, а не подчинение.

После падения Фалеза в начале года Генрих смог разделить свою армию под командованием своих братьев Томаса и Хамфри так, чтобы восточные и западные области можно было захватить одновременно. 30 июля 1418 года, когда Нижняя Нормандия была в его руках, он начал осаду Руана. Это была самая трудная задача кампании на сегодняшний день, поскольку, как отметил

Генрих в письме в Лондон 10 августа, это было "самое примечательное место во Франции, кроме Парижа"[132]. Хорошо понимая значение города в военном и политическом отношении, Генрих был готов использовать любые средства, чтобы взять его без масштабных бомбардировок и штурмов, но при этом он рисковал дать французам время для организации контрнаступления с целью освобождения города. Решив уморить город голодом, он отказался выпустить из него даже женщин и детей.

Осада Руана продолжалась 6 месяцев, и когда в январе 1419 года он, наконец, сдался — ожидаемая французская подмога была сорвана из-за новой вспышки междоусобной борьбы — это был самый большой город, который когда-либо был взят в осаду за все время Столетней войны. Генрих появился в одеянии герцога Нормандии в нормандской столице, где он в этом обличье издал различные указы собранию нормандских рыцарей и горожан, а также назначил высокий коллективный выкуп за город.

После сдачи Руана остальная часть Верхней Нормандии пала без особого сопротивления. За исключением острова Мон-Сен-Мишель, который так и не достался англичанам, Генрих стал хозяином всего герцогства, способным осуществить все элементы своей нормандской программы. Его кампания 1417–19 гг. была замечательной и свидетельствовала о его постоянно растущих способностях как полководца, так и правителя. Нормандия всегда будет иметь для Генриха особое значение: когда он заключил окончательный договор с французами в Труа, в мае 1420 года, он сохранил герцогство за собой до тех пор, пока не унаследует французскую корону. О том, что он добился большого успеха в завоевании сердец и умов нормандцев, свидетельствуют также излияние скорби по поводу его смерти и преданность, которую они проявили к его преемникам. Ключевую роль в этом сыграла строгая военная дисциплина, которую он ввел в армии, особенно в регулировании отношений между солдатами и гражданским населением и создании механизмов для подачи жалоб местными жителями.

Существуют убедительные свидетельства того, что летом 1419 года Генрих был готов к дипломатическому соглашению, которое дало бы ему Нормандию как полностью суверенное владение, без обязательства приносить за него *оммаж* французской короне. Летом того же года его успехи вызвали желание вступить в переговоры со стороны обеих французских партий — бургундцев и арманьяков. Перед лицом наступления Генриха французы сохраняли единство до лета 1418 года, когда бургундский герцог Иоанн Бесстрашный захватил

Париж, а также короля и королеву, вынудив тогдашнего дофина Карла бежать на юг — разделение, которое способствовало тому, что французы не смогли вмешаться и спасти Руан. Теперь Генрих стремился к переговорам с обеими сторонами — королевским правительством, контролируемым бургундцами, и арманьякской оппозицией, возглавляемой дофином, — поскольку видел в этом средство сохранить их разделение и собственную власть. Больше всего его волновало их примирение: единая Франция оставалась бы грозным врагом.

Сначала состоялись переговоры с дофином в Алансоне в октябре 1418 года. Генрих, как и всегда, выдвинул высокие требования, добавив Нормандию, Турень и Мэн к землям, оговоренным в договоре в Бретиньи, и даже включив Фландрию в качестве награды за союз против Бургундии[133]. Дофин был готов отдать ему Нормандию, что, по мнению Генриха, было пустым жестом, поскольку Бог уже передал ее в его руки. Тем не менее, он был готов рассмотреть вопрос о длительном перемирии, во время которого он отказывался от титула короля Франции в обмен на большую плату.

В следующем месяце в Пон-де-л'Арк состоялись переговоры с королевским правительством, контролируемым бургундцами. Генрих потребовал выполнения условий договора в Бретиньи плюс Нормандию под полным суверенитетом, а также приданое в 1.000.000 экю за брак с дочерью Карла VI Екатериной, руки которой он просил четыре года назад. Тогда он получил отказ. Теперь ситуация была совсем иной. Генрих, полностью осознавая свою сильную военную позицию, просто играл со своим врагом. Продолжающееся психическое расстройство Карла VI не позволяло понять, обладает ли кто-либо во французском лагере полномочиями для ведения переговоров о заключении соглашения. По словам хрониста Жана Ле Февра, французы "не могли договориться с Генрихом, дофин еще не король, а герцог Бургундский не обладает королевским наследством "[134].

Пока переговоры зашли в тупик, в течение весны 1419 года Генрих укреплял свои позиции в Нормандии, завоевывая места на ее северной границе, что обеспечивало буферную зону (называемую англичанами *pays de conquête*) против Парижа. Когда в конце мая, начале июня он снова встретился с контролируемым бургундцами правительством в Мёлане, они были готовы предложить условия по договору в Бретиньи плюс Нормандию и его требования по приданому. Важно отметить, что 18-летняя принцесса Екатерина была привезена в Мёлан, где Генрих увидел ее в первый раз. Даже без внесения романтического элемента в целомудренное военное существование Генриха было ясно, что

король стремился жениться, и жениться только на Екатерине: действительно, это было наиболее последовательным элементом во всех его переговорах, начиная с 1413 года. Кроме того, на этой встрече он впервые непосредственно встретился с Карлом VI и его супругой королевой Изабеллой Баварской, это было первое свидание двух королей со времен свадьбы Ричарда II с сестрой Екатерины Изабеллой около Кале почти за четверть века до этого.

Переговоры в Мёлане хорошо документированы, вплоть до подробного описания того, как было выбрано специальное место, разграниченное деревянными частоколами, и разделенное двумя траншеями на три части[135]. Французы должны были расположиться в ближайшей к Мёлану зоне, а англичане — в самой отдаленной; средняя часть должна была стать нейтральной зоной, где встречались участники переговоров. Кроме того, французы построили вокруг средней части прочный забор, достаточно высокий, чтобы защититься от английских стрел, если ситуация выйдет из-под контроля. В эту среднюю часть можно было попасть только через три огороженных прохода, а с каждой стороны находились две отдельные палатки, по одной для каждого монарха и его советников. Ровно в 36 футах от каждого шатра, в пределах еще одного частокола, находился павильон для проведения переговоров.

Такие тщательно продуманные приготовления, а также присутствие двух королей подчеркивают серьезность намерений обеих сторон. То, что Екатерина тоже была там, указывает на то, что обручение было ожидаемым результатом. Тот факт, что переговоры касались подробных вопросов, включая восстановление земель и привилегий в Нормандии для тех, кто поддерживал бургундский режим, также говорит о том, что урегулирование было не за горами. В письме, отправленном домой одним англичанином 14 июля, сообщалось, что Генрих надеялся, что французы выполнят свое обещание, согласно которому он и его наследники получат "все, что содержалось в Великом мире [Бретиньи]… герцогство Нормандии и все, что король получил на французской земле, чтобы держать все это только от Бога и ни от кого из людей". Но затем, продолжает автор, как раз в тот момент, когда переговоры были на грани завершения и составления договоров, они уперлись в стену. Внезапно уступчивое поведение французов сменилось уклончивостью. По словам английского автора, "французская сторона пришла с различными требованиями и вопросами". Как и предполагалось, они вызвали задержки, и атмосфера, соответственно, ухудшилась: "теперь в настоящее время неизвестно, будет ли у нас война или мир".

Как далее рассказывал автор письма своему адресату в Англии, Иоанн Бесстрашный и дофин тем временем проводили свои собственные переговоры в Париже. Герцог, присутствовавший некоторое время в Мёлане, вел двойную игру, и, как объяснил автор письма, "они находились подолгу [вместе] в покое и согласии". Их соглашение было провозглашено в Париже 11 июля, в нем содержалось обещание действовать вместе, чтобы изгнать англичан, и приказ, чтобы никто впредь не ссорился из-за названия бургундца или арманьяка[136]. Это был именно то чего, Генрих опасался.

Несмотря на силу Генриха, как отмечал автор письма, вновь объединившиеся французы были больше заинтересованы в войне, чем в урегулировании путем переговоров. В сложившейся ситуации Генрих без колебаний двинулся на Париж.

Взяв города Понтуаз и Жизор, он оказался на подступах к Парижу к середине августа, когда его брат Томас, по приказу Генриха, подъехал верхом к воротам Парижа — театральный жест, призванный оказать давление на французов с целью возобновления переговоров. Сомнительно, что Генрих мог реально захватить столицу Франции. Осада Руана заняла у него шесть месяцев, и теперь у него было значительно меньше войск, поскольку по пути к Парижу он оставлял гарнизоны для охраны своих недавних завоеваний. Кроме того, если во время осады Руана французы были разобщены, то теперь они объединились.

Но не успел Генрих принять решение об осаде Парижа, как французы вновь раскололись, причем так, что английский король добился во Франции большего успеха, чем он мог себе представить. 10 сентября 1419 года герцог Иоанн и дофин должны были встретиться на мосту через Сену в городе Монтеро, к востоку от Парижа, для дальнейшего обсуждения сотрудничества. Когда герцог прибыл на встречу на мосту, один из приспешников дофина ударил его топором по голове, от чего он мгновенно скончался. Конфликт между партиями перерос в вендетту, герцог Иоанн был убит в отместку за убийство Людовика, герцога Орлеанского, 12 лет назад. Был ли дофин лично причастен к этому, остается неясным. Ему было всего 16 лет, и он, предположительно, легко поддавался влиянию тех, кто ранее состоял на службе у герцогов Орлеанских и кто совершил убийство герцога Иоанна в Монтеро. Несмотря на попытку примирения перед лицом английской угрозы, "две партии были так далеки друг от друга, как никогда ранее"[137]. Не без причины картезианский монах, почти ровно век спустя, показал Франциску I, королю Франции, череп Иоанна Бесстрашного, заметив: "Это

отверстие, через которое англичане вошли во Францию"[138]. Это отверстие фактически сделало Генриха V правителем Франции.

4.
Наследник и регент Франции

В соборе Труа, 21 мая 1420 года, Генрих V был признан Карлом VI, королем Франции, наследником французской короны. Во вступительном слове договора, скрепленного в этот день, Карл отметил, что несколько предыдущих договоров были заключены между его предшественниками и "высочайшим принцем и нашим очень дорогим сыном Генрихом, королем Англии и наследником Франции", но ни один из них не принес "столь желанных плодов мира". Памятуя о том, "сколько вреда и печали принесло разделение королевств до этого момента не только для королевств, но и для церкви", Карл теперь заключал мир с Генрихом (хотя на самом деле именно Генрих был тем, кто вел предыдущие переговоры). Последующие 31 пункт содержали условия этого мира. Генрих не должен был препятствовать Карлу во владении французской короной при его жизни, но после его смерти корона Франции должна была навсегда остаться за Генрихом и его наследниками. С этого момента обе короны должны были всегда принадлежать одному человеку, хотя оба королевства сохраняли свои свободы, обычаи, нравы и законы.

Не договор в Труа сделал Генриха наследником Франции: он уже был им в силу давних притязаний английских королей на французскую корону. Решающее значение Труа заключалось в том, что французский король теперь официально признал эти притязания. Более того, сохранив свою корону, Карл фактически сразу же передал правление Генриху: "Поскольку мы затруднены настолько, что не можем лично заниматься делами нашего королевства, право и полномочия по управлению и распоряжению "la chose publique" [всем, что касается блага королевства и его народа] будут переданы нашему сыну Генриху"[139]. В течение следующих нескольких недель мы увидим, как Генрих отказывается от титула короля Франции и заменяет его титулом "наследника и регента Франции".

Чтобы понять столь удивительное и неожиданное решение, нам необходимо вернуться к событиям предыдущей осени. Убийство Иоанна Бесстрашного сторонниками дофина на мосту в Монтеро, 10 сентября 1419 года, лишило всякой надежды на единство Франции и заставило бургундцев вступить в союз с Генрихом. В этот момент король и королева Франции оставались

в Труа, куда их поместил герцог Иоанн, чтобы держать их под своим контролем; новый герцог Бургундии, сын Иоанна Филипп, находился в Лилле, а большая часть королевского совета все еще была под контролем бургундских чиновников в Париже. Жители Парижа, всегда выступавшие за Бургундию и имевшие мощное лобби, были встревожены тем, что убийство может подтолкнуть Генриха к нападению на столицу. 19 сентября 1419 года королевский совет при поддержке Парижа обратился к Генриху с просьбой о перемирии и обсуждении мести за убийство. В ответ Генрих, спустя пять дней, уполномочил своих послов вести переговоры об окончательном мире. Через три дня они представили королевскому совету декларацию, в которой подчеркивалось право Генриха на французский престол, но в формулировке, предположительно призванной успокоить французов, говорилось, что он не намерен, чтобы «его французская корона, королевство или народ подчинялись его английской короне, или чтобы народ Франции стал или назывался "английским"»[140]. Он снова предложил Екатерине брак, и хотя в декларации не было прямо сказано, что Карл останется королем до конца своей жизни, в ней было обещано, что Генрих будет относиться к своим будущим королевским родственникам с почетом, которого они заслуживают.

Генрих, несомненно, был инициатором условий, которые позже были закреплены в договоре в Труа. Он понимал, что ему выгодно заявить о своих претензиях до того, как французское правительство и новый герцог Бургундский успеют выработать свой собственный ответ на убийство герцога Иоанна. Когда совет в Париже ответил, что декларация — это не то, о чем Генрих просил в июле, король ответил прямо: "Теперь все иначе"[141]. В течение следующей недели он развивал свои планы дальше, предлагая Карлу оставаться королем до самой смерти. В ходе бурной дипломатической деятельности между Парижем, Лиллем и Труа были согласованы все условия окончательного мира. Герцог Филипп дал свое согласие 2 декабря. Для него месть дофину — до сих пор непререкаемому наследнику короны Франции из династии Валуа — за убийство отца была первостепенной: его согласие на условия Генриха сулило английскую военную поддержку. Тем временем Генрих приказал пристальнее следить за Карлом, герцогом Орлеанским, который находился в плену в Англии с момента его пленения при Азенкуре: в конце концов, то, что предлагал Генрих, фактически означало лишение наследства всей династии Валуа, а герцог был следующим наследником мужского пола после дофина. Генрих отправил в Труа Луи Робессара, близкого соратника с 1403 года,

чтобы тот помог убедить короля Карла и его супругу, королеву Изабеллу, принять английские условия. После того как герцог Филипп присоединился к королю и королеве в Труа 23 марта, 9 апреля 1420 года между англичанами во главе с графом Уорвиком и французами был заключен полноценный договор.

Генрих, 8 мая, переехал из Понтуаза в аббатство Сен-Дени, усыпальницу французских королей, где он принял на себя обязательства как наследник престола, а затем прибыл в Труа. В тот же день, когда договор был скреплен печатями, Генрих и Екатерина были обручены; они поженились менее чем через две недели, 2 июня. Договор был немедленно объявлен во Франции, а его условия отосланы в Англию для провозглашения, чтобы "весь наш народ мог иметь верное [истинное] знание об этом для своего утешения"[142].

В ходе переговоров к основным условиям было добавлено множество оговорок в интересах различных сторон. Например, хотя Генрих обещал, что все дальнейшие завоевания будут направлены на благо французской короны, он сохранил Нормандию под своим личным контролем до тех пор, пока не станет королем, после чего она будет вновь включена в состав Франции: он понимал, что не сможет сразу отказаться от поощрения нормандского сепаратизма, который способствовал его завоеванию. Но бургундцы должны были получить восстановление земель, которые он отобрал у их сторонников в герцогстве. Карла и Изабеллу заверили, что у них будут только французские слуги. Приданное Екатерины должно было быть выплачено из английских доходов: в связи с этим Генрих отказался от требования французского приданого до своей смерти, после чего его вдова должна была получать 20.000 франков в год. Бургундское желание отомстить дофину было гарантировано запретом любой стороне, включенной в договор, вести переговоры с "Карлом, который называет себя дофином", а также обязательством Генриха "всеми силами и как можно скорее привести в повиновение все… места и лица в нашем королевстве, непокорные нам, и мятежников… из партии, обычно называемой партией дофина или арманьяками"[143].

Идея Генриха позволить Карлу VI остаться королем могла прийти ему в голову гораздо раньше. Когда после падения Арфлера в 1415 году он вызвал дофина Людовика на личный поединок, Генрих предложил, чтобы победитель наследовал Карлу после его смерти. Однако трудно поверить, что Генрих когда-либо мечтал о том, что перспектива признания его наследником Карла станет реальностью. В 1420 году он вел жесткую торговлю, но был достаточно проницателен, чтобы

понять, что гораздо больше можно получить путем переговоров, чем путем завоевания. Только через официальное признание королем Франции у английского короля был хоть какой-то шанс на то, что его притязания на французскую корону будут признаны и реализованы.

Тем временем народ Франции должен был принести клятву соблюдать договор, верность Генриху

> [как] правителю и регенту королевства Франции, подчиняться ему во всех вопросах, касающихся управления, которое подвластно королю Франции, и после смерти Карла оставаться сеньорами и истинными подданными Генриха, короля Англии, и его наследников навечно, принимать и повиноваться ему как суверенному повелителю и истинному королю Франции без сопротивления, противоречий или затруднений, приходя ему на помощь, как только его попросят[144].

Как регент и наследник, Генрих имел доступ ко всем ресурсам французского королевства, и все, что он делал, происходило от имени Карла VI.

Через несколько дней после свадьбы Генрих в сопровождении Карла VI, Екатерины и Филиппа Бургундского отправился осаждать бургундский город Санс, находившийся в то время под контролем дофина. Это был важный шаг на пути к возвращению города Монтеро, что Генрих и сделал 1 июля, а вместе с ним и тело герцога Иоанна для погребения в бургундской столице Дижоне. Затем последовала осада Мелёна на Сене, недалеко от Парижа. Но город устоял против Генриха и по словам хрониста Ангеррана де Монстреле, отказ жителей сдаться заставил Генриха привести в осадный лагерь Карла VI, чтобы он заставил их капитулировать как "leur naturel seigneur" ("их естественный повелитель")[145]. Труаский договор не положил конец войне. Скорее, война мутировала, превратившись в совершенно иной конфликт, в котором Генрих и его войска, от имени французского короля, сотрудничали с бургундцами в их конфликте с арманьяками.

Естественно, что не все французы приняли договор в Труа. Хотя дофин бежал на юг, его сторонники были готовы сражаться за его интересы: Мелён не сдавался Генриху до 1 ноября. Только после этого, 1 декабря, Карл и Генрих смогли торжественно въехать в Париж. Выбор первого воскресенья Адвента был преднамеренным, задержка также дала достаточно времени для украшения улиц и облачения населения в красные одежды, символизирующие ликование. Это событие было организовано

таким образом, чтобы обеспечить наглядное представление условий договора. Короли вошли в город бок о бок, Карл — справа, как помазанный король Франции[146]. Когда реликвии были представлены королям для целования, Карл предложил Генриху идти первым, но тот прикоснулся к своей шапке и жестом показал, что Карл должен его опередить. Затем короли вошли в Нотр-Дам бок о бок, воздав почести у главного алтаря.

На следующий день обе королевы, Екатерина и Изабелла, въехали в Париж и были встречены английскими лордами и герцогом Филиппом Бургундским. Тот факт, что они въехали позже и после своих королевских супругов, отражает не только более низкий статус королев, но и то, что Генрих старался избежать любых предположений о том, что Франция перешла к нему через его брак. Генрих уже был наследником, когда женился; более того, часть причины, по которой приданое Екатерины должно было быть выплачено из английских доходов, заключалась в том, чтобы устранить любое представление о том, что она принесла Францию с собой в качестве приданого своему супругу. Брак, хотя и упомянутый в договоре в Труа, был заключен нейтрально и просто как "на благо мира". (Позже, в Англии, это было подчеркнуто на банкете 24 февраля 1421 года после коронации Екатерины в Вестминстерском аббатстве в качестве королевы Англии — на котором Генрих не присутствовал — с помощью *sotelte*, украшения стола, с надписью "*par marriage pur, ce guerre ne dure*": "чистым браком война прекратится")[147]. Договор не требовал, чтобы короли двойной монархии были наследниками Генриха от Екатерины или даже именно его наследниками, а просто его общими наследниками. Именно поэтому сразу за ним при въезде в Париж шли два его брата, Томас и Джон, герцоги Кларенс и Бедфорд. Генрих позаботился о том, чтобы все элементы его прав и будущего английской двойной монархии были соблюдены.

Труаский договор уже фактически лишил дофина наследства, не признав его в этом титуле, поскольку это означало подрыв собственных притязаний Генриха на французский престол. Формальное лишение наследства произошло 23 декабря 1420 года на официальном заседании парижского парламента, главного суда Франции, в соответствии с французской правовой формой. Тем временем, вскоре после въезда в Париж, герцог Филипп и представитель его матери подали официальную жалобу на дофина за его роль в убийстве герцога Иоанна. Их петиция была рассмотрена Карлом VI и Генрихом, сидящими бок о бок на одной скамье, при этом сохранение французских институтов, как это было предусмотрено Труаским договором, символизировали

канцлер Франции и первый президент парламента, сидящие у ног Карла. Король через своего канцлера обещал, что по совету Генриха, короля Англии, регента и наследника Франции, справедливость восторжествует. Дофин был признан виновным и объявлен лишенным наследства и объявлен вне закона.

Хотя время пребывания Генриха в качестве регента Франции было занято военными действиями, его влияние на французское правительство было значительным, как и следовало ожидать от монарха, который серьезно относился к своим обязанностям, и в ситуации, когда Карл VI продолжал страдать от "отлучек", как в королевских документах назывались периоды, когда его психическое состояние ухудшалось, что делало его активное участие в управлении непоследовательным и минимальным. Генрих даже издал несколько королевских указов от своего имени как наследника, хотя большинство из них были от имени Карла VI "по совету и решению нашего любимого наследника и регента короля Англии"[148]. Находясь в Париже, Генрих лично проводил заседания королевского совета, как это было 3 июня 1422 года, и мы видим, что с ним консультировались парламент и другие органы власти. Он также отвечал за назначения на государственные должности, но всегда старался, за исключением высших военных постов в Париже (на которые он назначил своего брата Томаса, а впоследствии герцога Эксетера), использовать французов бургундского происхождения. Его влияние на церковные назначения было таким же, как и в Англии: в декабре 1420 года капитул Нотр-Дам избрал Жана Куртекюисса епископом Парижа, против чего выступали и Генрих, и герцог Филипп. Хотя назначение было подтверждено Папой, Генрих продолжал упрямиться, и его влияние оказалось решающим: в итоге 12 июня 1422 года Папа назначил Куртекюисса епископом Женевы.

6 декабря 1420 года Генрих присутствовал вместе с Карлом на заседании Генеральных штатов в Париже, где они ратифицировали договор в Труа, приветствуя его как "к чести и хвале Бога, а также к общественному благу и пользе этого королевства Франции и всех его подданных"[149]. По приказу Генриха штаты также обсудили вопросы налогообложения, результатом чего стал указ, даровавший Генриху доходы с различных налогов с продаж и габеля (налога на соль) сроком на один год с 1 февраля 1421 года. Эти доходы предназначались для ведения военных действий против дофина. На заседаниях парламента была выражена озабоченность состоянием валюты: реформы Генриха как регента, включая перечеканку монет и ограничение налоговых льгот, помогли обратить вспять

обесценивание французской валюты и решить другие проблемы, с которыми столкнулась французская экономика после Азенкура. Эти меры, а также возобновление торговли с Англией сделали регентство Генриха синонимом хорошего правительства.

Несмотря на очаги сопротивления, для многих во Франции договор стал долгожданным облегчением, представляя собой разрешение многолетних гражданских беспорядков и раздоров. Особенно рады были бургундцы, которые рассматривали его как верное средство мести арманьякам. Генрих справился с задачей управления Францией, что свидетельствует о его способности быстро учиться и погружаться в управление Францией. Однако он не мог забывать о том, что он также был королем Англии. Договор ознаменовал собой переворот в английской политике по отношению к Франции. До сих пор Генрих поощрял враждебную позицию, даже ксенофобию, особенно в его отказе с лета 1417 года от англо-нормандского языка в пользу английского в своих письмах на родину, что некоторые считают нужным назвать "языковой политикой"[150]. Ранее он подчеркивал свою английскость и превосходство Англии, но теперь это не укладывалось в условия договора. Если англичане с удовольствием поддерживали войну против французов, то будут ли они так же довольны поддержкой войны, которую Генрих теперь вел как наследник французского престола против одной партии во Франции? Кроме того, договор уменьшал перспективы земельных выгод для солдат и администраторов, поскольку теперь французы были союзниками, а не завоеванным народом, и требовал от командиров и войск сотрудничества с теми, кто ранее был их врагами. Несмотря на то, что Англия праздновала завоевание Генрихом Франции, беспокойство по поводу новых договоренностей стало нарастать — и нигде больше, чем в парламенте.

2 декабря 1420 года, на открытии новой сессии парламента, канцлер сообщил собравшимся лордам и общинам, что король не может присутствовать лично, так как он "занят за границей, исправляя ситуацию там и работая над большей безопасностью себя и своих английских подданных"[151]. В ходе другого обсуждения парламент признал, что в качестве наследника и регента, а со временем и короля Франции, Генрих неизбежно будет "иногда находиться по эту сторону моря, а иногда по другую, как ему покажется лучше по его усмотрению". В дебаты по этому вопросу вкралась нотка беспокойства, и общины выдвинули пять петиций, касающихся этого вопроса. Первая, правда, гласила, что король и королева должны быть призваны вернуться в Англию в ближайшее время "для утешения,

облегчения и поддержки общин". Несмотря на заверения канцлера в его вступительной речи, общины были обеспокоены тем, что король знал, что его личное присутствие в Англии очень желательно, и — учитывая соперничающие претензии на его внимание — хотели знать, что сам Генрих желает прежде всего "процветания и хорошего управления этим королевством "[152].

Но хотя парламент был убежден, что король скоро вернется в Англию, учитывая, что на 1 декабря был назначен официальный въезд Генриха в Париж, а Генеральные штаты и судебное заседание были назначены на конец месяца, такие заверения, очевидно, были неискренними. Возможно, общины были раздражены тем, что их ввели в заблуждение. Они успешно ходатайствовали о том, чтобы в случае возвращения короля во время этого или любого другого будущего парламента, не было необходимости в роспуске или созыве нового собрания: они были обеспокоены тем, что Генрих нарушит и подорвет уже достигнутые договоренности. Более широкие опасения проявились в их просьбе, которая также была удовлетворена, подтвердить статут Эдуарда III, принятый в парламенте 1340 года после принятия им титула короля Франции: согласно этому статуту, англичане никогда не должны быть подданными короля Англии как короля Франции. Хотя они благоговейно говорили о том, что король приобрел свои новые титулы "благодаря милости и могущественной помощи Бога, а также благодаря его рыцарским, усердным и трудным трудам",[153] их прошение указывает на то, что они не считали договор в Труа достаточно четким в отношении гарантии английской независимости — и, несомненно, больше заботившимся о сохранении французских свобод и идентичности.

Было еще два вопроса, по которым общины выразили свою озабоченность, но получили отпор. В начале работы парламента хранитель королевства в отсутствие короля, брат Генриха, Хамфри, герцог Глостерский, заявил общинам, что петиции, поданные ему, не будут ангроссированы (ратифицированы и зачислены) до тех пор, пока они не будут отправлены королю за границу. Другими словами, Генрих не был готов делегировать полномочия в свое отсутствие в королевстве, что для общин могло привести лишь к задержкам в ведении дел. Отвечая герцогу Глостеру, они попросили, чтобы все петиции были "отвечены и определены в пределах королевства Англия во время работы этого парламента", и такой порядок должен применяться ко всем будущим парламентам. Неудивительно, что был получен ответ, что следует запросить мнение короля[154]. Общины, почти всегда склонные к протекционизму, выдвинули изобретательный

аргумент, что теперь, когда Генрих держит в своих руках оба берега Ла-Манша, иностранцы, желающие проплыть через него, должны платить пошлину. Это предложение было отклонено, как и их просьба о подтверждении якобы существовавшего древнего договора о том, что во Фландрию можно ввозить только английскую шерсть. Подобные меры могли привести только к отчуждению герцога Бургундского, чего английская корона никак не могла допустить, поскольку он был ключевым союзником.

Общины были настолько обеспокоены договором в Труа, что не предпринимали никаких усилий для его ратификации в парламенте, как того требовали его условия, пока король не вернулся в Англию. Аналогичным образом, было сочтено разумным не обращаться к общинам с просьбой о налоговых субсидиях на этом заседании парламента. В своей вступительной речи канцлер признал, что финансы были в дефиците, потому что так много их ушло за границу на оплату войны. Годы между 1415 и 1419 были исключительно тяжелыми в налоговом отношении, и отчаянные поиски средств заставили Генриха не оставлять камня на камне: это, несомненно, сыграло свою роль в его обращении с мачехой, Жанной Наваррской, которая была обвинена в колдовстве и тем самым лишилась своих земельных владений в пользу короны. В Англии были и другие признаки усталости от войны. Набирать людей для экспедиций было уже не так легко, как раньше, поскольку возможности для получения прибыли сократились. Попытки собрать войска в Норфолке в 1419 году и Йоркшире и Линкольншире в 1420 году вызвали разнообразные отговорки, почему люди не хотят служить: бедность, отсутствие лошадей и снаряжения, подагра, водянка. В Йоркшире только 5 из 96 призванных изъявили желание служить: двое мужчин из Холдернесса просто сказали, что они готовы нести любую службу в пределах королевства Англия, но не пойдут за его пределы[155]. Впервые с 1414 года возникла проблема правопорядка, о чем свидетельствует бунт в Саффолке в июле 1420 г.[156].

Теоретически, король мог управлять Англией заочно. Механизм и практика управления были достаточно бюрократическими, чтобы позволить это, но Генрих, как правило, настаивал на том, чтобы дела передавались ему на утверждение. К концу 1420 года он отсутствовал в Англии непрерывно более трех лет — беспрецедентный случай в новейшей истории, — что создавало реальную опасность того, что возмущенная страна будет считать себя просто дойной коровой для заморских амбиций Генриха. Предыдущему парламенту в октябре 1419 года были даны заверения в том, что "король питает сильную привязанность к своему королевству Англия и желает знать, как

мир и законы страны и его чиновники управляли в его отсутствие; и если что-то из этого нуждается в изменении, пусть это будет обеспечено добрым и мудрым советом в этом парламенте". Но в то же время, погрузившись в первые переговоры с французами после убийства в Монтеро, Генрих попросил канцлера донести до парламента мысль о том, что если война будет прекращена из-за нехватки средств, результатом станет катастрофа. Необходимо было оказать поддержку королю, "чтобы он чувствовал, что его народ здесь смотрит на него и его владения в настоящее время с любовью и полной привязанностью"[157]. Общины по этому случаю проявили щедрость, предоставив субсидию, которая должна была быть собрана до 2 февраля 1420 года, и треть субсидии до 11 ноября следующего года. Но мы должны задаться вопросом, что думали общины на заседании парламента в декабре 1420 года о вступительной речи канцлера, который, подчеркивая достижения Генриха на протяжении всей его карьеры и его озабоченность слабостью и бедностью Англии, возложил бремя решения проблем полностью на них: "мудрые общины должны вложить весь свой труд, чтобы через их действия… были найдены средства для эффективного решения проблем и увеличения общей пользы королевства "[158].

Генриху было необходимо вернуться домой, несмотря на столь же настоятельную потребность остаться во Франции. Документ с подробным описанием тщательных приготовлений к возвращению в Англию показывает его понимание проблем, а также его внимание к деталям. Например, он оговорил, что клятвы по Труаскому договору должны быть принесены в бургундских областях, включая Фландрию, что, возможно, свидетельствует о том, что он не полностью доверял своим союзникам. Его также интересовала безопасность гарнизонов Монтеро и Мелёна, а также полномочия, которыми герцоги Кларенс и Эксетер должны были обладать в его отсутствие. На то, что документ на французском языке был тщательно изучен Генрихом, указывает добавление его собственной рукой двух примечаний на английском языке: "также послать в суд за аббатом Вестминстера" и "также туда же для оказания помощи Чартерхаусу"[159]. Такие записи еще раз напоминают нам о его попытках внимательно следить даже за, казалось бы, незначительными делами в Англии.

Генрих и его королева наконец-то высадились в Дувре 1 февраля 1421 года. После коронации Екатерины в Вестминстере, 26 февраля, было разослано предписание о созыве парламента, который должен был собраться 2 мая. Сделав это, король

отправился в путь. Это было важное решение с его стороны, свидетельствующее о том, что не все его подданные воспринимали соглашение в Труа как результат, на который они надеялись в войне с Францией. Находясь в Англии в начале царствования, Генрих не путешествовал так много, как другие короли, предпочитая большую часть времени оставаться в районе Лондона. Кроме того, за исключением въезда в Лондон после Азенкура, он не искал возможностей для публичных зрелищ. В конце февраля 1421 года Генрих посетил, сначала в одиночку, Бристоль, Херефорд и Шрусбери, а затем отправился в Кенилворт, где 15 марта к нему присоединилась Екатерина[160].

Ланкастерский замок Кенилворт был особенным местом для Генриха с самого детства, и стал еще более особенным благодаря его единственному королевскому строительному проекту — созданию *Pleasance*, парка площадью в один гектар с жилыми помещениями и садами на краю Большого болота в полумиле к северо-западу от замка. Здесь, "на болоте, где лисы прятались среди колючих кустов и терновника, король разбил сад для своего отдыха"[161]. В это уединенное место можно было попасть только на лодке, и его можно было увидеть только с самых высоких башен замка. Весьма знаменательно, что Екатерина встретилась с ним именно там. Судя по дате рождения их сына, вероятно, именно там был зачат Генрих VI. Король и королева вместе отправились в Лестер, затем в Ковентри, после чего вернулись в Лестер на Пасху. Затем супруги посетили Ноттингем и Понтефракт, где содержался герцог Орлеанский, кузен и шурин Екатерины.

Снова оставшись один, Генрих посетил святилища Святого Иоанна Беверлейского и Святого Иоанна Бридлингтонского. Первый был связан с его победой при Азенкуре — 25 октября был его праздником — поскольку ходили слухи, что в день битвы из его гробницы сочилось масло, как и в день высадки Генриха Болингброка в Равенспуре в 1399 году. Миновав Ньюарк, Кингс-Линн и Уолсингем, Генрих вернулся в Виндзор к 28 апреля на праздник Ордена Подвязки.

Как и было задумано в подобных поездках, тур Генриха был возможностью показать себя своему народу и подчеркнуть свой стиль правления: он выслушивал прошения бедняков и раздавал милостыню. Но это была и попытка собрать средства. 8 апреля, когда Генрих возвращался из Беверли в Йорк, из Франции пришли плохие новости — его брат Томас, герцог Кларенс, потерпел поражение и был убит в битве при Боже в Анжу 22 марта, что не только сделало более вероятным раннее возвращение короля во Францию, но и побудило назначить

комиссаров для вызова тех, кто еще не выдал займы короне. В реестрах расписок указано, что было собрано 36.840 фунтов стерлингов, что стало "самым большим комбинированным займом столетия" и стоило примерно столько же, сколько полная светская субсидия[162]. Было привлечено 530 заимодавцев, многие из которых были из тех мест, через которые проезжал Генрих, хотя половина суммы поступила от чрезвычайно богатого Генри Бофорта.

Хотя такие займы свидетельствовали о дальнейшей общественной поддержке войны, Генрих счел разумным не обращаться к общинам в парламенте в мае 1421 года с просьбой о предоставлении субсидий. В присутствии короля Труаский договор был ратифицирован на специальном заседании "трех сословий королевства", состоявшемся во время работы парламента[163]. С парламентом была заключена сделка: в обмен на то, что у него не будут просить денег, общины будут готовы проголосовать за налоговую субсидию на следующем заседании парламента. Парламент также одобрил аннексию Генрихом наиболее ценных частей наследства Богунов, на которые он имел право через свою мать, Марию де Богун. Поскольку она была сонаследницей своей сестры Элеоноры, которая вышла замуж за Томаса Вудстокского, пятого сына Эдуарда III, необходимо было произвести раздел земель, что Генрих как король смог использовать в своих интересах.

Находясь в Англии, мысли Генриха никогда не уходили далеко от Франции, и в процессе правления он по-прежнему уделял характерное для него пристальное внимание даже самым специфическим вопросам. 27 февраля, находясь в Сент-Олбансе, он отправил письмо с ответом на вопрос о том, следует ли нанимать каменщиков и плотников для строительства замка Понторсон в Нижней Нормандии, отметив в том же письме, что он отправил графу Саффолку инструкции, касающиеся управления Авраншем и его округой[164]. Генрих был столь же разносторонним в своем изучении проблем в Англии. В Лестере он написал монастырям бенедиктинского ордена в Англии, приказав им созвать собор монахов в Вестминстере в начале мая, на которое он явился лично, порицая орден за его распущенность и призывая к реформам[165]. Такой шаг напоминает нам о том, что его забота о религии заставила его вмешаться в церковные дела, включая реформирование монастырей, назначение епископов и подавление ереси, по сути, действуя "по всем признакам, кроме названия, как верховный правитель Церкви Англии, более чем за столетие до того, как этот титул стал использоваться"[166].

10 июня 1421 года Генрих высадился в Кале с армией в 4.100 человек, собранной в основном из его личных владений в Чешире и Ланкашире. В последующие месяцы он продолжал воевать и энергично управлять. После кампании, которая проходила на юге, до Орлеана, чтобы помочь герцогу Бургундскому в снять осаду с Шартра, начавшуюся 23 июня, но оставленную дофином 5 июля после известия о скором прибытии английского короля, Генрих направился к последнему оплоту дофинистов под Парижем, хорошо укрепленному городу Мо. Осада этого города оказалась более продолжительной, чем осада Руана, и длилась с 6 октября 1421 года по 10 мая 1422 года. Генрих был в ярости от упорного сопротивления, оказанного сначала городом, а затем районом, известным как Марше, и когда он, наконец, пал, был жесток в обращении с его защитниками, казнив их, вместо того, чтобы позволить обычные условия выкупа и почетного ухода из города. Он также забрал 110 книг из религиозных учреждений Мо, которые раздал своим монастырям в Англии[167].

Екатерина забеременела во время путешествия по Мидлендс и не вернулась во Францию вместе с супругом. 6 декабря 1421 года она родила желанного наследника мужского пола в Виндзоре, и эта новость была отмечена в Париже звоном колоколов и зажжением костров. Когда она возвращалась во Францию в мае 1422 года, в Манте ее встречали улицы, усыпанные сладко пахнущими травами[168]. Будущее действительно казалось радужным для двойной монархии. Екатерина присоединилась к Генриху в Париже 29 мая, но уже через несколько недель здоровье Генриха стало вызывать серьезные опасения. С 7 июля он был серьезно болен, но продолжал упорствовать: в Шарантоне он пытался заверить своих сторонников, что он в достаточно хорошей форме, чтобы играть активную роль, показывая, что он все еще может ездить верхом, но усилия были слишком велики. 13 августа он прибыл в Венсенский замок, который ему не суждено было покинуть.

Король боролся с серьезным заболеванием кишечника, которое французский хронист *Religieux* из Сен-Дени диагностировал как "болезнь потоков в животе"; Монстреле говорит, что это был огонь Святого Антония, или эризипелас (рожистое воспаление), острая инфекция, вызывающая характерные красные воспаления кожи и лимфатических узлов, а также лихорадку и рвоту[169]. Генрих продолжал пытаться заниматься делами, полностью осознавая, что скоро умрет. 26 августа он сделал кодификацию к завещанию, составленному им перед возвращением во Францию в июне предыдущего года, которое заменило то, которое он составил перед кампанией при

Азенкуре. Это новое завещание передавало "защиту и покровительство" ("tutelam et defensionem") его юного наследника, принца Генриха, его брату Хамфри, герцогу Глостеру; однако оно делало герцога Эксетера управляющим принца, а также предусматривало, что его давние и пользующиеся большим доверием помощники Генри, лорд Фицхью и сэр Уолтер Хангерфорд должны находиться при дворе принца и при его особе[170]. Неясность полномочий, предоставленных герцогу Глостеру, должна была вызвать проблемы во время несовершеннолетия Генриха VI. Генрих также постановил, что герцог Орлеанский и граф д'Э, двое из пленников, взятых при Азенкуре, должны быть освобождены только за большой выкуп и только если они готовы поклясться принять договор в Труа.

Как предполагают хронисты, когда Генрих был близок к смерти, он дал дополнительные указания собравшимся вокруг него людям (среди которых, по-видимому, были герцог Эксетер, граф Уорвик, его брат Джон и Луи Робессар), призывая продолжать войну до тех пор, пока вся Франция не примет договор в Труа. Не должно быть никакого договора с дофином, если Нормандия не останется в руках Англии[171]. Наконец, 31 августа он умер.

Смерть Генриха в возрасте 35 лет была настолько сокрушительной и неожиданной и имела такие последствия для Англии и английской Франции — его наследнику не исполнилось и девяти месяцев, — что, по словам одного французского автора, Персеваля де Каньи, англичане держали смерть Генриха в тайне в течение 15 дней, опасаясь, как это повлияет на лояльность французов[172]. Некоторые утверждали, что Генрих был проклят, потому что перенес религиозные реликвии с их законного места; другие — что он заболел проказой из-за своей политики. Бургундский хронист Жорж Шастеллен предложил альтернативное объяснение преждевременной кончины Генриха. По его словам, в 1421 году к Генриху пришел отшельник, чтобы попросить его прекратить страдания французов, сказав ему, что Бог позволил ему добиться такого успеха в завоеваниях только потому, что, будучи принцем, он был ранен в лицо, сражаясь с еретиками в Англии. Но теперь по воле Божьей, если он не остановится, то умрет[173].

Тело Генриха было выпотрошено в соответствии с обычной практикой, а его внутренности были захоронены в Сен-Мор-де-Фоссе. Его тело было доставлено в Кале через Сен-Дени и Руан, где к нему присоединилась Екатерина, которая должна была сопровождать его обратно в Англию. Его путь через северную Францию сопровождался излияниями скорби, а также

торжественными церемониями: в Руане, городе, который он голодом заставил сдаться, 200 горожан, все в черном и каждый с факелом, сопровождали запряженный лошадьми катафалк в собор. Действительно, преждевременная смерть Генриха была оплакана во Франции, поскольку его мудрое и твердое правление было контрастом анархии, вызванной разногласиями между бургундцами и арманьяками и психическим заболеванием Карла VI. Размышляя о его кончине, *Religieux* назвала его "великодушным, доблестным в оружии, благоразумным, мудрым… уважаемым народом"[174]. Скорбь была столь же велика и в Англии: летописец Томас Уолсингем говорил о подданных Генриха как о "невыразимо огорченных" тем, что такой сильный король и автор столь выдающихся деяний был отнят у них Богом, а его преемнику еще не исполнилось и года[175].

Выгруженный на берег в Дувре 31 октября 1422 года, катафалк с телом короля был доставлен по обычному маршруту через Кентербери в Лондон, где 5 ноября его официально встретил в Саутварке мэр, лондонские корпорации и духовенство, а 31 гильдия оплатила 211 факелов. После процессии и демонстрации тела короля в соборе Святого Павла, 6 ноября его сопроводили в Вестминстерское аббатство, причем каждый дом, мимо которого он проходил, зажег факел в его честь. Генрих был похоронен 7 ноября в месте за главным алтарем и рядом со святилищем Эдуарда Исповедника, которое он указал еще в своем первом завещании от июля 1415 года[176]. Во втором завещании от июня 1421 года он добавил пожертвование аббатству в размере до 4.000 фунтов стерлингов на завершение "новых работ" — перестройку нефа. Он также пожертвовал алтарную скатерть Вестминстерскому затворнику, попросив его особенно молиться за душу короля[177].

Хотя за несколько месяцев между его смертью и погребением была проведена некоторая подготовка его могилы, капелла, заложенная в соответствии с его завещанием, была построена только в 1430-х годах. Она демонстрировала религиозность короля — его постоянное внимание к Деве Марии, Троице, Святому Георгию, Святому Эдмунду и Святому Эдуарду Исповеднику, дополненное Святым Дени как отражением его французских успехов: в дополнении к его завещанию, сделанному за пять дней до смерти, были добавлены драгоценные предметы и большой крест, который он использовал на алтаре в своей собственной часовне[178]. Резьба, размещенная по бокам часовни, также отражала то, как короля вспоминали через поколение после его смерти. Мы видим его в движении восседающим на коне в поле, перед крепостью и переправой через реку, что

символизирует его военные успехи. Мы также видим два изображения его коронации, причем двойное изображение, возможно, представляет французскую коронацию, которой он почти добился. Эти сцены олицетворяют его собственные сильные концепции активного и сакрального царствования и связаны с его личным перерождением при вступлении на престол. Его деревянное изваяние на гробнице, изображающее короля в парламентской мантии, потеряло серебряное покрытие в результате ограбления в середине 1540-х годов, а в какой-то момент пропали также голова и руки. В 1970-х годах они были заменены современными копиями, изваяние головы основано на известном раннем тюдоровском портрете Генриха, а руки, предположительно, на руках Лоуренса Оливье.

Циничная точка зрения может заключаться в том, что Генриху помогла его преждевременная смерть с точки зрения репутации. Если бы он остался жив, он мог бы столкнуться с трудностями как дома, так и во Франции, поскольку отнюдь не было уверенности в том, что англичане захотят платить за то, что после заключения договора в Труа стало, по сути, гражданской войной во Франции. За 9 лет его правления состоялось 11 парламентов, частота которых отражала его потребность в деньгах: его правление было одним из самых интенсивно облагаемых налогами, сравнимым только с 1377–1381 годами, которые вызвали Великое крестьянское восстание. Но, учитывая его достижения на сегодняшний день и его решимость добиться успеха, кто знает, что могло бы произойти? Если бы сохранилась двойная монархия Англии и Франции, дальнейшая история Европы была бы совсем другой.

5.
Эпилог

Жизнь Генриха V была короткой, но насыщенной деятельностью, большая часть которой была порождена им самим. Он был одним из самых занятых королей Англии. Его поведение в качестве принца было результатом нетерпения стать королем. Он хотел быть королем и был разочарован стилем правления своего отца. Взяв в свои руки бразды правления в 1410–11 годах, он был вдвойне разочарован, когда они были у него отобраны, что, в свою очередь, вызвало политические проступки, а также отстранение от дел. После восшествия на престол ему пришлось многое не только опровергнуть, но и доказать. Он с рвением взялся за выполнение роли короля, ускорив темпы и расширив сферу влияния королевского правительства. Он был полон решимости довести дело до конца, будь то установление закона и порядка или продвижение веры. Он подчеркивал, но и черпал силу в своих особых отношениях с Богом.

За годы своего правления Генрих стал увереннее, приобрел опыт и завоевал уважение как внутри страны, так и за рубежом за свое твердое, но справедливое правление. Он требовал высоких стандартов как от себя, так и от других. Во Франции он осознавал необходимость завоевания сердец и умов, а также ведения войн, но не гнушался прибегать к ограниченным актам жестокости, чтобы побудить к покорности. В Англии он также действовал быстро и жестко, когда ему бросали вызов, но при этом следил за соблюдением закона и общественным порядком во имя общего блага.

Такие действия свидетельствуют о его огромной энергии и дальновидности, а также о природном уме. Генрих был способен одновременно заниматься многими делами и уделять внимание деталям. Его сохранившиеся письма, в которых отсутствуют цветистые выражения, демонстрируют живой и прямой стиль[179]. Он был искусен в использовании письменной политической коммуникации, особенно в том, что все чаще использовал английский язык для публичных заявлений, что убедило по крайней мере одну ливрейную компанию, пивоваров, перейти в 1422 году на просторечие, потому что так поступил король[180].

Современники видели в нем короля с множеством талантов.

Для летописца Томаса Уолсингема он был, наряду с выдающимися достижениями в качестве воина, основателя монастырей и преданного слуги Божьего, "скупым и осмотрительным в словах, проницательным в советах, мудрым в суждениях, скромным внешне, но величественным в действиях, стойким во всем, что он предпринимал"[181]. Для Джона Стрекка, из августинского монастыря в Кенилворте, недалеко от места уединения, которое Генрих создал на территории замка для размышлений и отдыха, Генрих был

> Юлий по уму, Гектор по доблести, Ахилл по силе, Август по повадкам, с красноречием Париса… еще одним Соломоном по рассудительности, Троилом по заботливой любви сердца… если бы смерть настигла Генриха V, с оружием в руках, я верю, что Генрих был бы победителем, ибо этот король никогда не был побежден на войне[182].

Что еще почитать по теме

Лучшей и наиболее полной биографией Генриха является книга *C. T. Allmand*, *Henry V* (К. Т. Оллманд, Генрих V) (London: Eyre Methuen, 1992), которая теперь входит в серию "Английские монархи" Йельского университета. В 1968 году профессор Оллманд опубликовал полезный памфлет о Генрихе V для Исторической ассоциации (Общая серия, № 68). Переизданная в 2013 году, она представляет собой краткий историографический справочник по работам о короле. Для общего контекста нет ничего лучше, чем книга *G. L. Harris*, *Shaping the Nation: England 1360–1461* (Д. Л. Харрис, Формирование нации: Англия, 1360–1461 гг.) (Oxford: Oxford University Press, 2005), в серии "Новая оксфордская история Англии".

Трехтомник *J. H. Wylie, The Reign of Henry V* (Дж. Х. Уайли Царствование Генриха V) (Cambridge: Cambridge University Press, 1914–29) до сих пор часто цитируется и содержит увлекательные подробности, но в нем нет ссылок на источники, на которые он опирается. Уайли умер, не успев завершить работу над книгой; третий том был написан У. Т. Во на основе его заметок. Вся работа теперь доступна в свободном доступе в Интернете в Архиве Интернета (archive.org). *C. L. Kingsford* (К. Л. Кингсфорд) выпустил биографию *Henry V: The Typical Medieval Hero* (Генрих V: Типичный средневековый герой) (London and New York: Putnam, 1901; 2nd edn 1923). Учитывая компетентность автора в источниках хроник, эта работа остается ценной и по сей день. *C. L. Kingsford* также редактировал важную работу 1513–14 годов *The First English Life of Henry V* (Первое английское жизнеописание Генриха V) (Oxford: Clarendon Press, 1911).

Существует ряд более популярных биографий, в которых дается живая, хотя иногда и некритичная информация о короле. Среди них *H. F. Hutchinson, Henry V* (Х. Ф. Хатчинсон, Генрих V) (London: Eyre and Spottiswoode, 1967), *P. Earle, The Life and Times of Henry V* (П. Эрл, Жизнь и время Генриха V) (London: Weidenfeld & Nicolson, 1972) и *D. Seward, Henry V as Warlord* (Д. Сьюард, Генрих V как полководец) (Harmondsworth: Penguin, 1987). Более основательной является книга *K. Dockray, Warrior King: The Life of Henry V* (К. Докрей, Король-воин: жизнь Генриха V) (Stroud: History Press, 2006), и *J. Matusiak, Henry V* (Д. Матусиак, Генрих V) (London: Routledge, 2013), а также короткая, как и подобает серии *Pocket Giants*, *A. J. Pollard, Henry V* (А. Д. Поллард, Генрих V) (Stroud: History Press, 2014). Привлекательный формат предлагает книга *M. Mercer, Henry V: The Rebirth of Chivalry* (М. Мерсер,

Генрих V: Возрождение рыцарства) (Kew: National Archives, 2004), в которой, как следует из названия серии *English Monarchs: Treasures from the National Archives* (Английские монархи: сокровища из национального архива), опубликованы и обсуждаются факсимиле документов из королевских архивов.

Есть интересные главы об отношениях между Генрихом и его отцом, а также личный взгляд на Генриха V в книге *K. B. McFarlane, Lancastrian Kings and Lollard Knights* (К. Б. Макфарлейн, Ланкастерские короли и рыцари-лолларды) (Oxford: Clarendon Press, 1972). Не менее ценной является работа *T. B. Pugh, Henry V and the Southampton Plot of 1415* (Т. Б. Пью, Генрих V и Саутгемптонский заговор 1415 года), впервые опубликованная как том № 30 в серии "Саутгемптонские записи" (Southampton: Southampton University Press, 1988). В дополнение к обсуждению заговора и приложениям с признаниями участников, доктор Пью представляет критический взгляд на короля. *Henry V: The Practice of Kingship, edited by G. L. Harris* (Генрих V: Практика царствования, под редакцией Г. Л. Харриса) (Oxford: Oxford University Press, 1985) также содержит обзор, а также главы по различным аспектам правления, написанные специалистами. Второй сборник статей *Henry V: New Interpretations* (Генрих V: Новые интерпретации) под редакцией Г. Додда (Woodbridge: Boydell Press, 2013) дает представление о том, в каком направлении движутся историки в изучении Генриха V.

Что касается Генриха как принца, хорошей отправной точкой является четырехтомная *History of England under Henry the Fourth* (История Англии при Генрихе Четвертом) *J. H. Wylie* (Дж. Х. Уайли) (London: Longmans, Green, 1884-98), а также *P. McNiven, Heresy and Politics in the Reign of Henry IV: The Burning of John Badby* (П. МакНивен, Ересь и политика в правление Генриха IV: Сожжение Джона Бэдби) (Woodbridge: Boydell Press, 1987), к которым следует добавить фундаментальные статьи доктора *P. McNiven Prince Henry and the English Political Crisis of 1412* (Принц Генрих и английский политический кризис 1412 года), (History, 65 (1980)), и The *Problem of Henry IV's Health, 1405–1413* (Проблема здоровья Генриха IV, 1405–1413), (English Historical Review, 100 (1985)). Моя глава *The Making of a Prince: The Finances of the "Young Lord Henry", 1386–1400* (Становление принца: финансы "молодого лорда Генриха", 1386–1400) в сборнике Додда *Henry V: New Interpretations* (Генрих V: Новые интерпретации), дает больше материала по некоторым моментам, изложенным в данном книге. Что касается пребывания Генриха в Уэльсе, то *R. R. Davies*, *The Revolt of Owain Glyndŵr* (Р. Р. Дэвис, Восстание Оуэна Глендовера) (Oxford and New York: Oxford University Press, 1995), имеет важное

значение, а также более подробные статьи *R. Griffiths* (Р. Гриффитса): *Prince Henry's War: Armies, Garrisons and Supply During the Glyndŵr Rising* (Война принца Генриха: армии, гарнизоны и снабжение во время восстания Глендовера), (Bulletin of the Board of Celtic Studies, 34 (1987)), и *Prince Henry and Wales* (Принц Генрих и Уэльс), в книге *Profit, Piety and Professions in Late Medieval England* (Прибыль, благочестие и профессии в позднесредневековой Англии), под редакцией *M. Hicks* (М. Хикса) (Gloucester: Alan Sutton, 1991).

Битве при Азенкуре посвящено наибольшее количество работ. Серьезный интерес начался с *N. H. Nicolas*, *History of the Battle of Agincourt* с (Н. Х. Николс, История битвы при Азенкуре) (London: 1827; 2nd edn 1832; 3rd edn 1833). В 2000 году я опубликовала книгу *The Battle of Agincourt: Sources and Interpretations* (Битва при Азенкуре: Источники и интерпретации) (Woodbridge: Boydell Press; 2nd edn 2009; e-book 2015), а в 2005 году — полное научное исследование битвы, *Agincourt: A New History* (Азенкур: Новая история) (Stroud: Tempus Publishing, сейчас публикуется издательством History Press). Также в 2005 году появилась живая и более беллетристическая книга *J. Barker*, *Agincourt: The King, the Campaign, the Battle* (Дж. Баркер, Азенкур: Король, Кампания, Битва) (London: Little, Brown, 2005). Книга *I. Mortimer*, *1415: Henry V's Year of Glory* (И. Мортимер, 1415: Год славы Генриха V) (London: Bodley Head, 2009) рассматривает битву в контексте всего года, используя оригинальный подход "день за днем", который раскрывает всю сложность жизни и деятельности короля. *C. J. Rogers* (К. Дж. Роджерс) написал две важные статьи для обсуждения Азенкура: *Henry V's Military Strategy in 1415* (Военная стратегия Генриха V в 1415 году) в книге *The Hundred Years War: A Wider Focus* (Столетняя война: более широкий взгляд) под редакцией *L. J. A. Villalon* (Л. Дж. А. Виллалона) и *D. J. Kagay* (Д. Дж. Кагая) (Leiden: Brill, 2005) и *The Battle of Agincourt* (Битва при Азенкуре) во втором томе этой работы (опубликован в 2008 году). Третий том (опубликованный в 2013 году) содержит мою главу *Harfleur under English Rule 1415–1422* (Арфлёр под английским правлением 1415–1422), а исследование по спасению города от французской блокады можно найти в моей работе *After Agincourt, What Next? Henry V and the Campaign of 1416* (После Азенкура, что дальше? Генрих V и кампания 1416 года), (*Fifteenth Century England*, 7 (2007)). Триумфальный въезд Генриха в Лондон реконструирован *N. Coldstream* (Н. Колдстримом) в *Pavilion'd in Splendour: Henry V's Agincourt Pageants* (Павильоны великолепия: Театрализованное представление Генриха V Азенкура), (Journal of the British Archaeological Association, 165 (2012)).

Что касается воинов Генриха V, то имена многих из них перечислены на сайте www.medievalsoldier.org и обсуждаются в книге *A. Bell, A. Curry, A. King and D. Simpkin*, *The Soldier in Later Medieval England* (А. Белл, Э. Карри, А. Кинг и Д. Симпкин, Солдат в позднесредневековой Англии) (Oxford: Clarendon Press, 2013). Интерес Генриха к военным вопросам обсуждается в моей статье *The Military Ordinances of Henry V: Texts and Contexts* (Военные ордонансы Генриха V: Тексты и контексты) в книге *War, Government and Aristocracy in the British Isles c.1150–1500*, *edited by C. Given-Wilson, A. Kettle and L. Scales* (Война, правительство и аристократия на Британских островах в 1150–1500 гг. под редакцией К. Гивен-Уилсона, А. Кеттла и Л. Скейлза) (Woodbridge: Boydell Press, 2008), а также в книге *C. Taylor, Henry V, Flower of Chivalry* (К. Тейлор, Генрих V, цвет рыцарства), в книге *Dodd*, *Henry V: New Interpretations* (Додд, Генрих V: Новые интерпретации). Об обращении короля с пленниками из Арфлера и Азенкура есть три важные работы *R. Ambühl: 'A Fair Share of the Profits? The Ransoms of Agincourt* (Р. Амбюлл, Справедливая доля прибыли? Выкупы после Азенкура), (Nottingham Medieval Studies, 50 (2006)); *Le sort des prisonniers d'Azincourt* (Судьба узников Азенкура), (Revue du Nord, 89 (2007)); и *Prisoners of War in the Hundred Years War: Ransom Culture in the Late Middle Ages* (Военнопленные в Столетней войне: культура выкупа в позднем средневековье) (Cambridge: Cambridge University Press, 2013).

Из широкого круга статей, обсуждающих военные вопросы, рекомендую мой сборник *Agincourt 1415: Henry V, Sir Thomas Erpingham and the Triumph of the English Archers* (Азенкур 1415: Генрих V, сэр Томас Эрпингем и триумф английских лучников) (Stroud: Tempus Publishing 2000), переизданный как *Agincourt 1415: The Archer's Story* (Азенкур 1415: История лучника) (Stroud: History Press, 2008), ценная и хорошо иллюстрированная, как и книга *M. Strickland and R. Hardy*, *The Great Warbow* (М. Стрикленд и Р. Харди, Большой боевой лук) (Stroud: Alan Sutton, 2005) с интересными главами о битве и роли в ней лучников. Эту информацию можно дополнить каталогом выставки 2015 года в лондонском Тауэре *The Battle of Agincourt* (Битва при Азенкуре) под редакцией *A. Curry* (Э. Карри) и *M. Mercer* (М. Мерсер) (London: Yale University Press, 2015).

Более поздние кампании Генриха и договор в Труа включены в книгу *J. Barker*, *Conquest: The English Kingdom of France 1417–1450* (Д. Баркер, Завоевание: Английским королевством Франции. 1417–1450) (London: Little, Brown, 2009). Научный обзор представлен в работах *R. A. Newhall*, *The English Conquest of Normandy 1416–1424: A Study in Fifteenth Century Warfare* (Р. А.

Ньюхолл, Английское завоевание Нормандии 1416–1424: исследование военных действий пятнадцатого века) (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1924), *C. T. Allmand*, *Lancastrian Normandy: The History of a Medieval Occupation* (К. Т. Оллманд, Ланкастерская Нормандия: История средневековой оккупации) (Oxford: Clarendon Press, 1983), и *G. L. Thompson*, *Paris and Its People under English Rule: The Anglo-Burgundian Regime 1420–1436* (Г. Л. Томпсон, Париж и его жители под английским правлением: Англо-бургундский режим 1420–1436 гг.) (Oxford: Clarendon Press, 1991), дополненные моей статьей *Lancastrian Normandy: The Jewelin the Crown?* (Ланкастерская Нормандия: Жемчужина в короне?) в книге *England and Normandy in the Middle Ages* (Англия и Нормандия в Средние века) под редакцией *D. Bates* (Д. Бейтса) и *A. Curry* (Э. Карри) (London: Hambledon Press, 1994). Хотя Генрих никогда не посещал английские владения на юго-западе Франции, они представляли собой важную часть национальных интересов: полное обсуждение представлено в книге *M. G. A. Vale*, *English Gascony 1399–1453: A Study of War, Government and Politics During the Later Stages of the Hundred Years War* (М. Д. А. Вале, Английская Гасконь 1399–1453: исследование войны, правительства и политики на более поздних этапах Столетней войны) (Oxford: Clarendon Press, 1970), с гасконскими руллами онлайн на www.gasconrolls.org.

Что касается весьма сложной французской политики того периода, попробуйте прочитать *R. Famiglietti*, *Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392–1420* (Р. Фамилетти, Королевские интриги: кризис при дворе Карла VI, 1392–1420 гг.) (New York: AMS Press, 1986). Важность бургундских герцогов для интересов и политики Генриха во Франции хорошо освещена в биографиях двух герцогов, с которыми он взаимодействовал: *R. Vaughn*, *John the Fearless: The Growth of Burgundian Power* (Р. Вон, Иоанн Бесстрашный: Рост бургундской власти) (London: Longmans, 1966); и *R. Vaughn*, *Philip the Good: The Apogee of Burgundy* (Р. Вон, Филипп Добрый: Апогей Бургундии) (London: Longmans, 1970). Обе книги теперь опубликованы издательством *Boydell Press*.

Биографии других ключевых личностей также могут стать интересным экскурсом в эпоху правления. У двух братьев Генриха (Джона и Хамфри) есть биографии, хотя и довольно общие: *E. Carleton-Williams*, *My Lord of Bedford 1389–1453* (Е. Карлтот-Уильямс, Милорд Бедфорд 1389–1453 гг.) (London: Longmans, 1963); и *K. H. Vickers*, *Humphrey, Duke of Gloucester* (К. Х. Викерс, Хамфри, герцог Глостер) (London: Constable, 1907). Духовенство этого периода изучено лучше: *E. F. Jacob*, *Henry Chichele and the*

Ecclesiastical Politics of his Age (Е. Ф. Джакоб, Генри Чичеле и церковная политика его эпохи) (London: Athlone Press, 1952); *M. Aston, Thomas Arundel: A Study of Church Life in the Reign of RichardII* (М. Астон, Томас Арундел: Исследование церковной жизни в период правления Ричарда II) (Oxford: Clarendon Press, 1967); и особенно *G. L. Harris, Cardinal Beaufort: A Study of Lancastrian Ascendancy and Decline* (Г. Л. Харрис, Кардинал Бофорт: Исследование возвышения и упадка Ланкастеров) (Oxford: Clarendon Press, 1988). Для ознакомления с другими ключевыми личностями можно обратиться к *Oxford Dictionary of National Biography* (Оксфордскому словарю национальных биографий), а более подробные биографии членов парламента узнать в *History of Parliament*: *The Commons 1386–1422, edited by J. S. Roskell, L. S. Clark and C. Rawcliffe, 4 vols* (История парламента: Палата общин 1386–1422 гг., Под редакцией Дж. С. Роскелла, Л. С. Кларка и К. Роклиффа, 4 тома) (Gloucester: Alan Sutton for the History of Parliament Trust, 1992).

О правительстве Генриха есть несколько полезных статей в сборнике статей *G. Dodd, Henry V: New Interpretations* (Д. Додд, Генрих V: Новые интерпретации), в том числе *G. Dodd, Henry V's Establishment: Service, Loyalty and Reward in 1413* (Д. Додд, Учреждения Генриха V: Служба, лояльность и вознаграждение в 1413 году) и *W. M. Ormrod, Henry V and the English Taxpayer* (В. М. Ормрод, Генрих V и английский налогоплательщик). Что касается финансов, то лучший общий обзор содержится в *A. Steel, The Receipt of the Exchequer 1377–1485* (А. Стиил, Квитанции казначейства 1377–1485 гг.) (Cambridge: Cambridge University Press, 1954), и *J. Stratford, Par le special commandement du roy: Jewels and Plate Pledged for the Agincourt Expedition* (Д. Стратфорд, По особому повелению короля: драгоценности и посуда, заложенные для экспедиции Азенкура), в сборнике Додда, как интересный взгляд на специальные договоренности в 1415 году. *E. Powell, Kingship, Law and Society: Criminal Justice in the Reign of Henry V* (Э. Пауэлл, Королевская власть, закон и общество: Уголовное правосудие в правление Генриха V) (Oxford: Clarendon Press, 1989), содержит полное исследование попыток короля улучшить закон и порядок. *The Parliament Rolls of Medieval England 1275–1504, IX: Henry V*, edited by C. Given-Wilson (Парламентские списки средневековой Англии 1275–1504, IX: Генрих V, под редакцией К. Гивен-Уилсона) (Woodbridge: Boydell Press, 2005), включают контекстуальные введения, а также параллельные тексты.

Лучшим обзором монастырских фондов Генриха остается работа *D. Knowles, The Religious Orders in England*, II: *The End of the Middle Ages* (Д. Кноуэл, Монашеские ордена в Англии, II: Конец

Средневековья) (Cambridge: Cambridge University Press, 1955), с ценными исследованиями лоллардов *A. Hudson*, *The Premature Reformation* (А. Хадсон, Преждевременная Реформация) (Oxford: Clarendon Press, 1988), и *J. A. F. Thomson*, *The Later Lollards 1414–1520* (Дж. А. Ф. Томсон, Поздние лолларды 1414–1520) (Oxford: Clarendon Press, 1965), дополненные главой *M. Jurkowski* (М. Юрковского) в сборнике Додда: *Henry V's Suppression of the Oldcastle Revolt* (Подавление Генрихом V восстания Олдкасла). Для понимания общей истории является полезной книга *G. Bernard*, *The Late Medieval English Church: Vitality and Vulnerability before the Break with Rome* (Г. Бернард, Английская церковь позднего средневековья: Жизнеспособность и уязвимость перед разрывом с Римом) (London: Yale University Press, 2013). Многое о религии Генриха можно также прояснить, рассмотрев его подготовку к смерти, прочитав *P. and F. Strong, The Last Will and Codicils of Henry V* (П. и Ф. Стронг, Последняя воля и дополнения к завещанию Генриха V), (English Historical Review, 96 (1981)), и *W. St John Hope*, *The Funeral, Monument and Chantry Chapel of King Henry the Fifth* (У. Сент-Джон Хоуп, Похороны, памятник и часовня короля Генриха Пятого), (Archaeologia, 63 (1913–14)).

Генрих не очень хорошо изучен с точки зрения истории культуры, но представление о нем можно получить благодаря *J. E. Krochalis, The Books and Reading of Henry V and His Circle* (Дж. Э. Крочалис, Книги и чтение Генриха V и его окружения), (Chaucer Review, 23 (1988)), и, что касается рукописей, *S. McKendrick, J. Lowden and K. Doyle, Royal Manuscripts: The Genius of Illumination* (С. МакКендрик, Дж. Лоуден и К. Дойл, Королевские рукописи: Гений иллюминирования) (Лондон: Британская библиотека, 2011). О его зданиях см. *The History of the King's Works, I and II: The Middle Ages, edited by H. Colvin* в (Истории королевских работ, I и II: Средние века, под редакцией Х. Колвина) (London: HMSO, 1963). О его образе, запечатленном в хрониках того периода, можно прочитать в книге *A. Gransden*, *Historical Writing in England*, II: *c.1307 to the Early Sixteenth Century* (А. Грансден, Историческая литература в Англии, II: с 1307 по начало XVI века) (London: Routledge, 1982).

Список сокращений

Allmand C. T. — Allmand, Henry V (London: Eyre Methuen, 1992)

BL — British Library

CCR — Calendar of Close Rolls, 47 vols (London: 1900–1963)

CPR — Calendar of Patent Rolls, 53 vols (London: 1891–1916)

First — English Life The First English Life of King Henry the Fifth, ed. C. L. Kingsford (Oxford: Clarendon Press, 1911)

Gesta — Gesta Henrici Quinti: The Deeds of Henry the Fifth, ed. F. Taylor and J. S. Roskell (Oxford: Clarendon Press, 1975)

Mercer M. — Mercer, Henry V: The Rebirth of Chivalry (Kew: National Archives, 2004)

Monstrelet — La Chronique d'Enguerran de Monstrelet, ed. L. Douet-d'Arcq, 6 vols (Paris: Société de l'Histoire de France, 1857–62)

PPC — Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England 1368–1542, ed. N. H. Nicolas, 7 vols (London: 1834–7)

PROME — The Parliament Rolls of Medieval England 1275–1504, ed. C. Given-Wilson (Woodbridge: 2005)

Pseudo-Elmham — Thomae de Elmham Vita et Gesta Henrici Quinti, ed. T. Hearne (Oxford: 1727)

Religieux — La Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422, ed. L. Bellaguet, 6 vols (Paris: 1839–44)

Rymer Foedera, Conventiones, Litterae et Cuiuscunque Acta Publica, ed. T. Rymer, 20 vols (London: 1704–35)

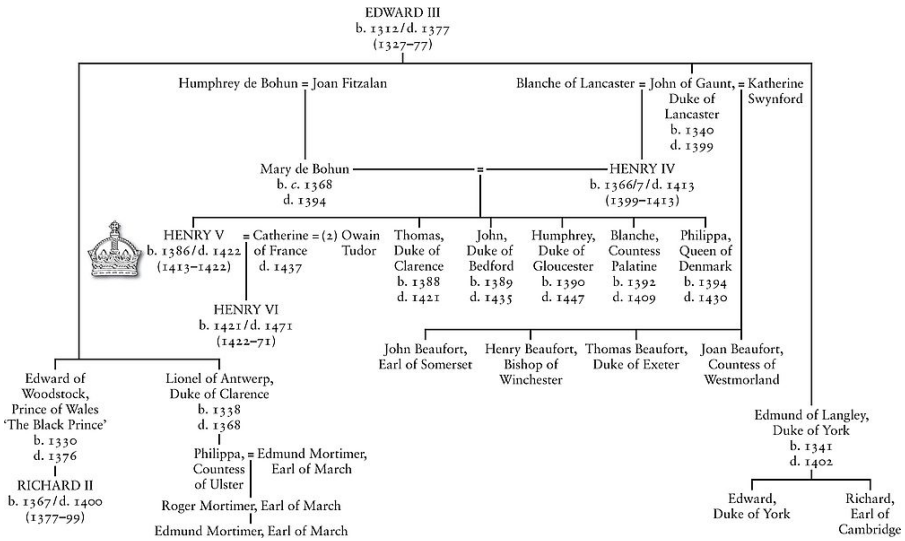
Tito Livio — Titi Livii Foro-Juliensis Vita Henrici Quinti, ed. T. Hearne (Oxford: 1716)

TNA — The National Archives, Kew

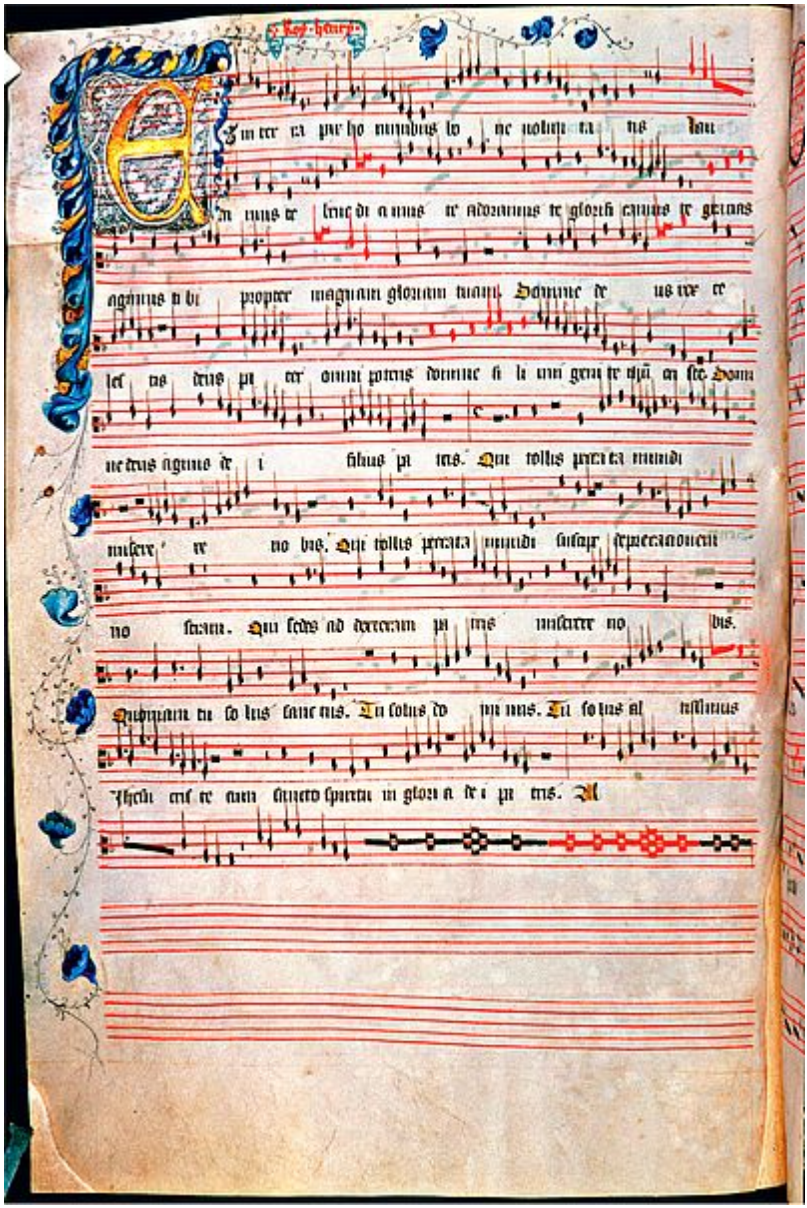
Walsingham — The St Albans Chronicle, II: 1394–1422, ed. J. Taylor, W. Childs and L. Watkiss (Oxford: Clarendon Press, 2011)

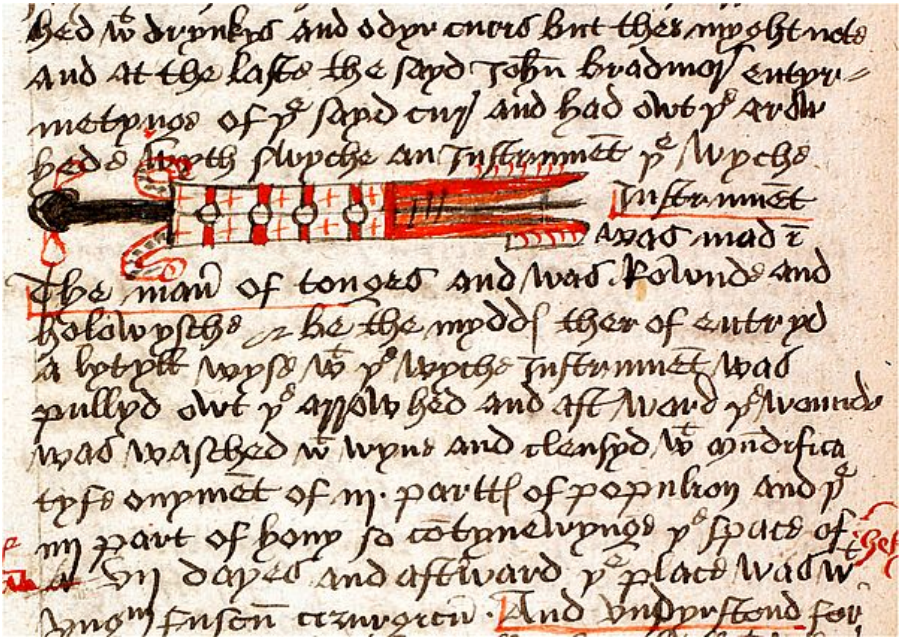
Wylie J. H. — Wylie and W. T. Waugh, The Reign of Henry V, 3 vols (Cambridge: Cambridge University Press, 1914–29)

Генеалогическая таблица



Иллюстрации

1. Рукопись XV века "Хозяин дичи" Эдуарда, герцога Йоркского. BL Cotton Vespasian B.xii (© The British Library Board)

2. "Gloria", сочиненная королем Генрихом. Old Hall manuscript, BL Add MS 57, 950 f. 12v (© British Library Board. All Rights Reserved/Bridgeman Images)



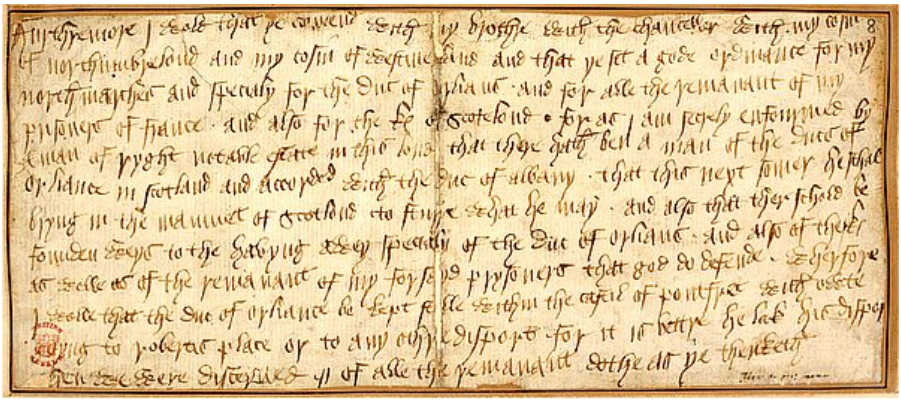
3. Эскиз Джона Брэдмора, изображающий хирургический инструмент, который он изготовил для удаления зазубренного наконечника стрелы из правой щеки принца Генриха. BL Sloane 2272 folio 137r (© The British Library Board)

87
ye and noble prince excellent
my lord the prince my lord gracious
I humble seruaunt and obedient
vnto yor estate hye and glorious
Of whiche I am full tendr and full ielous
We recomaunde vnto yor Highnesse
With hert entier and spirite of mekenesse

4. Томас Хоклив "The Regiment of Princes". BL Royal D vi f. 40 (© The British Library Board)

5. Битва при Азенкуре. Книжная миниатюра XV века из хроники Ангеррана де Монстреле. Ms. français 2680, fol. 208r (akg-images/Jérôme da Cunha)

6. Большая Библия, упомянутая в завещании Генриха V. BL Royal 1 E ix (© The British Library Board)



7. Автограф Генриха V. BL Cotton Vespasian F.iii f. 8 (© The British Library Board)

8. Венсенский замок, к востоку от Парижа, место смерти Генриха V (© Bruno De Hogues/Getty Images)

9. Тюдоровский портрет Генриха V, неизвестный художник. (© National Portrait Gallery, London)

notes

Примечания

1

PROME, IX, p. 249.

2

K. B. McFarlane, Lancastrian Kings and Lollard Knights (Oxford: Clarendon Press, 1972), p. 133.

3

Allmand, pp. 7–8; TNA, DL 37/13, m. 6d, illustrated in Mercer, doc. 1. Henry was never called 'of Monmouth' until later centuries.

4

A. Weir, Britain's Royal Families: The Complete Genealogy, new edn (London: Pimlico, 2002), p. 124; *I. Mortimer*, The Fears of Henry IV: England's Self-Made King (London: Jonathan Cape, 2007), p. 371.

5

Мидлендс (*Midlands*) — территория Англии, охватывающая её центральную часть вокруг города Бирмингем.

6

TNA, E 101/28/2.

Allmand, pp. 9–10.

8

TNA, DL 28/1/4.

9

TNA, DL 28/1/6, fo. 39.

10

TNA, DL 28/3/5, fo. 14r.

11

TNA, DL 28/1/10, fo. 28r. Незадолго до назначенной даты поединка Генрих и Томас были отправлены из Кенилворта в Понтефракт, где в то время находился Джон Гонт, а затем вернулись к своему отцу в Кенилворт.

12

TNA, E 403/561, m. 14, 16; E 403/562, m. 7 and 8.

13

TNA, E 404/16/394 (ордер от 5 марта 1401 года); Issues of the Exchequer, ed. F. Devon (London: 1837), p. 218.

Walsingham, p. 151.

Pseudo-Elmham, p. 5.

16

Сомнение возникает из-за того, что Ричард мог посвятить его в рыцари уже во время ирландской кампании, а дважды в рыцари никого не посвящали.

17

PROME, VIII, pp. 33–4.

18

'Annales Ricardi Secondi et Henrici Quarti', in Johannis de Trokelowe et Henrici de Blandeforde: Chronica et Annales, ed. H. T. Riley, Rolls Series (London: 1866), p. 322.

19

All Souls College Oxford, MS 182, fo. 197b, printed in *H. G. Richardson*, 'Parliamentary Documents from Formularies', Bulletin of the Institute of Historical Research, 11 (1933–4), pp. 147–62.

CPR, 1399–1401, p. 392.

21

Юстициарий или Юстициар – королевский чиновник в средневековых Английском и Шотландском королевствах, назначавшийся королем для выполнения судебных и административных функций в его владениях.

22

Anglo-Norman Letters and Petitions, ed. *M. D. Legge*, Anglo-Norman Text Society (Oxford: Blackwell, 1941), p. 301.

23

CPR 1401–05, p. 216.

24

PPC, II, pp. 62–3.

25

'Annales Ricardi Secondi et Henrici Quarti', p. 361.

26

BL, Sloane MS 2272, fo. 137r.

CCR, 1405–09, p. 93.

PROME, VIII, pp. 330–31.

29

PROME, VIII, p. 341.

PROME, VIII, p. 347.

31

PPC, I, p. 295.

PROME, VIII, pp. 366–75.

33

Синк-Портс (*Cinque Ports*) — приморские порты Англии, а именно: Дувр, Сандвич, Хитх и Ромни на побережье графств Кент и Рай, Винчельси и Гастингс на побережье графства Суссекс. Порты эти получили много важных привилегий, поставляя за то королю в случае необходимости определенное число судов для перевозки войск.

34

D. Pearsall, 'Hoccleve's Regement of Princes: The Poetics of Royal Self-Representation', Speculum, 69 (1994), pp. 386–410, and *L. Mooney*, 'A Holograph Copy of Thomas Hoccleve's Regiment of Princes', Studies in the Age of Chaucer, 33 (2011), pp. 263–96. Я благодарна доктору Дженни Натталл за обсуждение этого текста и других книг о Генрихе.

35

Cambridge, Trinity College, MS B 15.23, fo. 16v–22r.

PPC, II, pp. 19–24, 33–4.

37

TNA, SC 6/775/12 m. 2d.

38

Incerti Scriptoris Chronicon Angliae de Regnis Trium Regum Lancastriensium, ed. J. A. Giles (London: 1848), p. 63.

39

'Continuatio Eulogii', in Eulogium Historiarum Sive Temporis, ed. *F. S. Haydon*, Rolls Series (London: 1863), III, pp. 420–21, хотя он ошибочно датируется 1413 годом.

PROME, VIII, p. 519.

Walsingham, pp. 611–15.

42

Ibid.

43

First English Life, p. 13. Я благодарна профессору Марии Хейворд за обсуждение мантии принца.

Walsingham, p. 615.

45

Tito Livio, p. 5; *Pseudo-Elmham*, pp. 13–15; First English Life, pp. 13–16.

Например, Jean de Waurin: Receuil des croniques et anciennes istories de la Grant Bretagne, 1399–1422, ed. *W. Hardy*, Rolls Series (London: 1868), pp. 159–60.

Political Poems and Songs Relating to English History, ed. *T. Wright*, Rolls Series (London: 1861), II, pp. 120–21.

Pseudo-Elmham, p. 14.

49

New York, Pierpont Morgan Library, MS M.81, на котором изображен герб принца в том виде, в котором он носил его после 1406 года, когда Генрих IV принял в герб французскую геральдическую лилию.

50

Существует 27 рукописей, включая BL Cotton Vespasian B.xii, которая легла в основу печатного издания произведения 1904 года. На сегодняшний день не удалось установить связь между какой-либо конкретной рукописью и собственностью принца Генриха.

51

Tito Livio, p. 4; *Pseudo-Elmham*, p. 12. Возможно, на витраже в Йоркском соборе изображен король в конце своей жизни.

TNA, SC 6/813/23.

53

TNA, E 101/406/21, fo. 23 (Sir John Oldcastle, August 1413); Records of the City of Norwich, ed. W. Hudson and J. C. Tingay (London: Jarrold and Sons, 1910), II, p. 61 (Sir Thomas Erpingham, 1413–14).

Walsingham, pp. 619–21.

Tito Livio, p. 5; *Pseudo-Elmham*, p. 14.

TNA, E 404/30/117, цитируется в *Allmand*, p. 350.

TNA, E 101/406/21, fo. 19.

D. Knowles, The Religious Orders in England, II: The End of the Middle Ages (Cambridge: Cambridge University Press, 1955), p. 367. Считавшийся особенно святым отшельником, Алнвик позже стал генеральным духовником в монастыре бригиттинок, который основал Генрих.

Rymer, IX, p. 289.

Pseudo-Elmham, p. 15.

61

First English Life, p. 5; *L. Mirot*, 'Le procès de maître Jean Fusoris', Mémoires de la société de l'histoire de Paris et de l'Ile de France, 27 (1900), p. 244.

Mirot, 'Le procès de maître Jean Fusoris', p. 175.

63

Rymer, X, p. 317. Впоследствии он перешел в Чартерхаус Генриха в Шине.

64

S. McKendrick, J. Lowden and K. Doyle, Royal Manuscripts: The Genius of Illumination (London: British Library, 2011), pp. 156–7. Копия в Кембриджском колледже Корпус-Кристи, MS 213, возможно, написанная для короля, с BL Royal MS 20.B.iv, или предназначенная для него в качестве подарка.

65

TNA, E 101/335/17, *listed in K. B. McFarlane*, Lancastrian Kings and Lollard Knights, pp. 233–8; *P. and F. Strong*, 'The Last Will and Codicils of Henry V', English Historical Review, 96 (1981), pp. 93–100.

66

Headed 'le roy Henry', BL, Additional MS 57,950, fo. 12v. "Gloria" была записана Консортом Биншуа: 'Music for Henry V and the House of Lancaster', Hyperion CDA67868 2011. Генрих IV предположительно был также автором музыки.

67

The Brut, or The Chronicles of England, ed. *F. W. D. Brie*, Early English Text Society, Original Series 131 and 136 (London: 1906–8), II, p. 594.

G. Dodd, 'Henry V's Establishment: Service, Loyalty and Reward in 1413', in Henry V: New Interpretations, ed. G. Dodd (Woodbridge: Boydell Press, 2013), p. 44.

PROME, VIII, p. 40.

Dodd, 'Henry V' s Establishment', p. 39.

TNA, E 403/612 (платеж принят казначейством 4 мая).

72

TNA, E 101/406/21; *Wylie*, I, pp. 208–10.

TNA, E 403/612 (платежи, приняты 31 мая и 4 июля).

J. Stratford, 'The Royal Library in England Before the Reign of Edward IV', in England in the Fifteenth Century: Proceedings of the 1992 Harlaxton Symposium, ed. N. Rogers (Stamford: Paul Watkins, 1994), p. 194. The bible is BL, Royal MS 1.E.ix (*c.*1410–15); *Strong*, 'Last Will', p. 93.

TNA, E 403/612 (до 20 мая).

CPR ,1413–16, p. 45; CCR, 1413–19, p. 20.

77

PROME, IX, p. 9; VIII, p. 461. Генрих сдержал свое слово. За время его правления счет за аннуитет был "сокращен до 12.000 фунтов стерлингов, в два раза меньше, чем при Генрихе IV": *G. L. Harris*, 'Financial Policy', in Henry V: The Practice of Kingship, ed. G. L. Harris (Oxford: Oxford University Press, 1985), p. 174.

C. Given-Wilson, 'Introduction to the Parliament of 1413', PROME, IX, p. 3.

PROME, IX, p. 7.

PROME, IX, p. 8.

81

PROME, IX, pp. 36–7.

PROME, IX, p. 37.

83

TNA, E 101/406/21 fo. 23.

Ibid.

Allmand, p. 299.

The History of Parliament: The House of Commons, 1386–1421, ed. J. S. Roskell, L. Clark and C. Rawcliffe (Stroud: Alan Sutton for the History of Parliament Trust, 1992), II, p. 534.

Walsingham, p. 663.

Walsingham, p. 729.

Allmand, p. 273.

90

Cited in Allmand, pp. 275–6. В августе 1414 года план по созданию третьего монастыря целестинок, было невозможно осуществить после начала войны с Францией.

Religieux, V, p. 161.

Religieux, V, pp. 158–61.

Walsingham, p. 645.

94

Lille, Archives du Nord, B 423, no. 15319, printed in J. H. Wylie, 'Memorandum Concerning a Proposed Marriage between Henry V and Catherine of France in 1414', English Historical Review, 29 (1914), pp. 323–4.

Rymer, IX, pp. 131–2.

PROME, IX, p. 66.

97

'Liber Metricus de Henrico Quinto, by Thomas Elmham', in Memorials of Henry the Fifth, King of England, ed. C. A. Cole, Rolls Series (London: 1858), p. 101.

Wylie, I, p. 315.

99

G. Hilton, The Deeds of Henry V, as Told by John Strecche (Kenilworth: privately printed, 2014), pp. 5–6; *F. Taylor*, 'The Chronicle of John Strecche for the Reign of Henry V (1414–1422)', Bulletin of the John Rylands Library, 16 (1932), p. 150.

L. Mirot, 'Autour de la paix d'Arras (1414–1415)', Annales de Bourgogne, 3 (1931), p. 320.

Mirot, 'Le procès de maître Jean Fusoris', pp. 175, 236.

102

Gesta, p. 17. Один из этих экземпляров сохранился в аббатстве Титчфилд до наших дней в TNA, E 30/1695, датирован 10 июля 1415 года.

103

PPC, II, p. 151.

J. Stratford, 'Par le special commandement du roy: Jewels and Plate Pledged for the Agincourt Expedition', in Dodd (ed.), Henry V: New Interpretations, pp. 157–70.

105

PPC, II, p. 148.

106

PPC, II, pp. 125, 157.

107

Mirot, 'Le procès de maître Jean Fusoris', pp. 247–9.

108

T. B. Pugh, Henry V and the Southampton Plot of 1415, Southampton Records Series 30 (Southampton: Southampton University Press, 1988), p. 163.

109

PROME, IX, p. 67.

Gesta, pp. 34–5.

111

Gesta, p. 25.

Rymer, IX, p. 317.

113

Gesta, p. 61.

Gesta, p. 75.

115

Gesta, p. 79.

A. Curry, The Battle of Agincourt: Sources and Interpretations, 2nd edn (Woodbridge: Boydell Press, 2009), p. 475.

117

PROME, IX, p. 115.

118

Gesta, p. 103.

119

Gesta, p. 107.

120

Gesta, p. 111.

121

Curry, Sources, pp. 271–4.

122

PPC, II, pp. 196–7.

123

TNA, E 403/622 m. 9.

Tito Livio, p. 25; *Pseudo-Elmham*, pp. 78–9.

125

TNA, E 30/1609, 1068, 1273; *Monstrelet*, III, p. 63

PROME, IX, p. 178.

Curry, Sources, pp. 448–9.

PROME, IX, p. 185.

129

PROME, IX, pp. 196–7.

130

The Register of Henry Chichele,Archbishop of Canterbury, 1414–1443, ed. E. F. Jacob (London: Canterbury and York Society, 1938–47), III, pp. 28–9.

131

PROME, IX, p. 207.

132

Calendar of the Letter Books of the City of London, ed. R. R. Sharpe,*Letter Book I*(London: Corporation of London, 1909), pp. 71–2.

133

PPC, II, p. 353.

134

Chronique de Jean Le Fèvre, Seigneur de Saint-Rémy, ed. F. Morand (Paris: Société de l'Histoire de France, 1876), I, p. 348.

135

Rymer, IX, p. 752.

Rymer, IX, p. 779.

M. G. A. Vale, Charles VII (London: Eyre Methuen, 1974), p. 28.

Cited in Vale, Charles VII, p. 14.

139

Цитаты из договора взяты из английского перевода Э. Карри, 'Two Kingdoms, One King: The Treaty of Troyes (1420) and the Creation of a Double Monarchy of England and France', in The Contesting Kingdoms: France and England 1420–1700, ed. G. Richardson (Aldershot: Ashgate Press, 2008), pp. 23–41.

P. Bonenfant, Du meurtre de Montereau au traité de Troyes (Brussels: Académie Royale de Belgique, 1958), p. 192.

Bonenfant, Du meurtre de Montereau, p. 193.

142

TNA, C 54/270 m. 17d, with a facsimile in Mercer, doc. 13.

Curry, 'Two Kingdoms', p. 38.

TNA C 47/30/9/10, with a facsimile in Mercer, doc. 14.

Monstrelet, III, p. 403.

146

Рассказ о въезде в Париж находится в Journal d'un bourgeois de Paris 1405–1449, ed. A. Tuetey (Paris: Champion, 1881), p. 163.

147

The Great Chronicle of London, ed. A. H. Thomas and I. D. Thornley (London: George W. Jones, 1938), p. 118.

148

A. Longnon, Paris pendant la domination anglaise (1420–1436) (Paris: Champion, 1878), p. 32.

Rymer, X, pp. 30–32.

J. Fisher, 'A Language Policy for Lancastrian England', Proceedings of the Modern Language Association of America, 107 (1992), pp. 1168–80; *M. Richardson*, 'Henry V, the English Chancery and Chancery English', Speculum, 55 (1980), pp. 726–50.

151

PROME, IX, p. 249.

PROME, IX, p. 251.

153

PROME, IX, pp. 258–9.

PROME, IX, p. 260.

155

PPC, II, p. 247; *A. E. Goodman*, 'Responses in Yorkshire for Military Service under Henry V',*Northern History*, 17 (1981), pp. 240–52. Для решения аналогичных проблем в Линкольншире, см. TNA, E 101/55/13.

156

PPC, II, p. 272.

157

PROME, IX, p. 231.

PROME, IX, p. 249.

159

TNA, E 30/1619, with a facsimile in Mercer, doc. 15.

160

TNA, C 81/667/993; CPR*, 1416–22*, p. 318. Карту продвижения вперед см. *J. Doig*, 'Propaganda and Truth: Henry V's Royal Progress in 1421', Nottingham Medieval Studies, 40 (1996), p. 173.

161

'Liber Metricus de Henrico Quinto', pp. 100–101; *E. Jamieson and R. Lane*, 'The Pleasance, Kenilworth: A Royal Residence and Pleasure Garden', English Heritage Research News, 19 (2013), pp. 26–9.

162

TNA, E 401/696.

163

PROME, IX, p. 278.

164

Bibliothèque Nationale de France, nouvelles acquisitions françaises, 344, no. 21, printed in R. A. Newhall, The English Conquest of Normandy 1416–1424: A Study in Fifteenth Century Warfare (New Haven: Russell and Russell, 1924), p. 266.

165

W. A. Pantin, Documents Illustrating the Activities of the General and Provincial Chapters of the English Black Monks 1215–1540, Camden 3rd Series (London: 1933), II, pp. 104–5.

J. Catto, 'Religious Change under Henry V', in Henry V: The Practice of Kingship, ed. Harris, p. 115.

167

J. Stratford, 'The Royal Library in England Before the Reign of Edward IV', in England in the Fifteenth Century: Proceedings of the 1992 Harlaxton Symposium, ed. N. Rogers (Stamford: Paul Watkins, 1994), p. 193.

168

J. Shirley, A Parisian Journal 1405–1449 (Oxford: Clarendon Press, 1968), p. 166; Archives Communales de Mantes, CC 20, fo. 25.

Religieux, VI, p. 480; *Monstrelet*, IV, p. 109.

Strong, 'Last Will', pp. 99–100.

171

Monstrelet, IV, p. 110.

Chroniques de Perceval de Cagny, ed. H. Moranvillé (Paris: Société de l'Histoire de France, 1902), p. 126.

173

Wylie, III, pp. 418–19.

Religieux, VI, p. 480.

Walsingham, p. 775.

Rymer, IX, p. 289; *Strong*, 'Last Will', pp. 89–90.

Strong, 'Last Will', pp. 92, 93.

Strong, 'Last Will', p. 100.

Например, BL Cotton MS Vespasian F.iii, fo. 8, написано из Франции в 1418 или 1419 году.

180

The Book of London English 1384–1435, ed. E. Chambers and M. Daunt (Oxford: Clarendon Press, 1967), p. 16. Ironically, the decision is recorded in Latin.

Walsingham, p. 773.

Taylor, 'Chronicle of John Strecche', p. 187.